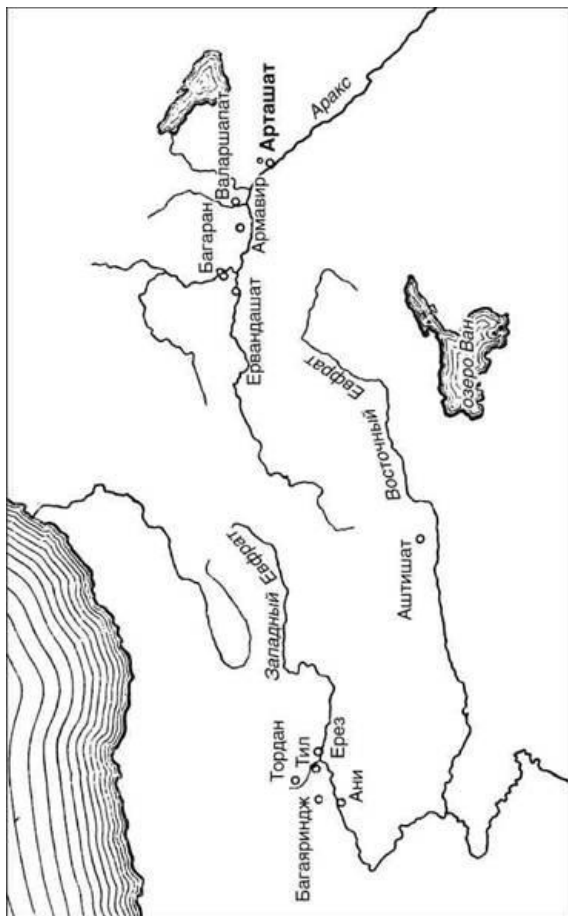

Мартирос Ананикян

Мифы Армении

Этот небольшой труд о прошлом с почтением посвящаю памяти армянского воинства, которое сражалось в прошедшей войне за свободу, и великому множеству мучеников, принявших жестокую смерть от турок

Древняя религия Армении ведет свое происхождение от трех основных источников: национального, иранского и азиатского. Азиатский элемент, включая семитский, пожалуй, не простирается дальше вызывающих возражения, но широко распространенных обрядов, связанных с богиней-матерью. Национальный элемент произошел из Восточной Европы и, должно быть, имеет общее происхождение с иранским. Но, без сомнения, он более древний, чем Веды и Авеста. Хорошо осведомленный в этом вопросе знаток индоевропейской религии должен вынести свой приговор по поводу ценности материалов, собранных в этом исследовании. В лексическом, фольклорном и литературном наследии армянского народа еще многое не открыто. Никто не может более мучительно, чем автор, сознавать все недостатки этой работы. Ему пришлось выполнить задачу, превосходящую его способности, – сочетать научный труд с доходчивым, связным изложением. Древний материал был не столько скуден, сколько фрагментарен. Поэтому аналогия, где бы она ни встречалась, была призвана восстановить прерванные связи.

Среди многочисленных авторов научных работ по армянской мифологии особенно выделяются три имени: Мкртыч Эмин (Москва), профессор Генрих Гельцер (Йена) и о. Лео Алишан (Венеция). В середине XIX века Эмин положил начало научной трактовке армянской мифологии, и его замечательный вклад в этой области неоценим. Генриху Гельцеру, известному в основном исследованиями по византийской истории, мы обязаны новейшим современным трудом об армянском пантеоне. Что касается Алишана, он был поэтом и эрудитом, но вряд ли имел хоть какую-то научную подготовку. Поэтому его «Древняя религия Армении» – наивное произведение, изобилующее ценным материалом, иногда наводящим на размышления, но чаще – это странные рассуждения, недоступные логическому анализу. Манук Абемян по праву претендует на признание его заслуг в систематизации армянского фольклора, и в то же время не лишен интереса тезис А. Ахароняна по той же теме. К несчастью, статья Стэкльберга, написанная по-русски, оказалась доступной автору только в виде резюме. *Histoire Documentaire de l'Arménie* (фр. «Документальная история Армении») Сандалгяна, которая вышла в свет в 1917 году, но попала в поле зрения автора лишь недавно, содержит важные главы о религии и мифологии Армении. Часть книги, интерпретирующая урартские надписи сквозь призму древнегреческих и армянских, не встретила общего одобрения среди ученых. Но его трактовка классического и средневекового материала созвучна написанному в этой книге.

Выражаю признательность как редакторам, так и издателям за их снисходительность ко всем особенностям стиля автора. Сердечная благодарность моему глубокоуважаемому учителю и коллеге, профессору Дункану Б. Макдоналду из Хартфордской духовной семинарии, профессору Льюису Ходэсу из школы Кеннеди по подготовке миссионеров и доктору Джону У. Чэпмену из мемориальной библиотеки Кейса за множество полезных предложений.

Профессор Макдоналд, талантливый, ревностный фольклорист, и профессор Ходэс, исследователь китайских религиозных учений, внимательно прочитали эту работу и помогли мне своими советами.

М.Л. Ананикян

Введение

Политическая обстановка

Задолго до того, как армяне заселили высокое нагорье на юге Кавказа, сейчас известное как Армянское, оно было колыбелью народов, о которых мы владеем лишь скудной информацией. Для нас сейчас не слишком важно, принадлежали ли эти более древние жители к разным этническим типам, имеющим свои национальные названия и языки, или же были они расой, говорящей на диалектах общего родного языка и имеющей какое-то одно название. Ради удобства будем называть их урартами, как ассирийцы. Урарты сформировали группу цивилизованных государств, главным образом сосредоточенных вокруг нынешнего города Ван. Хотя после них остались чудесные сооружения и множество клинописных надписей, свою информацию, касающуюся их политической истории, мы черпаем в основном из ассирийских источников.

Очевидно, урарты принадлежали к тем же неарийским и несемитским племенам, что и так называемые хетты, которые господствовали на полуострове Малая Азия задолго до индоевропейских племен, таких как фригийцы, мизийцы, лидийцы и вифины, пришедшие из Фракии, и скифы и киммерийцы – с северного побережья Черного моря, чтобы провозгласить полуостров своим будущим домом.

Урарты были довольно воинственны и храбро сражались с ассирийцами, имевшими честолюбивые замыслы захватить их земли, до VII века до н. э., пока их страна, ослабленная и дезорганизованная продолжительной борьбой, не стала легкой добычей для армянских завоевателей (640–600 гг.).

Появление армян в Малой Азии, согласно авторитетным источникам, является следствием массового исхода из Фракии. Древние авторы, хорошо осведомленные в этом вопросе, утверждали, что они были тесно связаны с фригийцами, имели очень схожие языки и национальную одежду. Также армяне, по словам Геродота, сражались бок о бок в армии Ксеркса. Медленно продвигаясь вдоль южного побережья Черного моря, они ненадолго остановились на территории, известной в античные времена как Малая Армения, которая, грубо говоря, лежит к юго-востоку от Понта и к северо-востоку от Каппадокии.

Оттуда им пришлось еще раз отправиться в завоевательный поход за обещанную землю, землю урартов, где они укоренились как военная аристократия в горных крепостях и укрепленных городах. Они угоняли большинство прежних жителей на север, а оставшихся превращали в своих рабов, облагали жестокими налогами, задействовали в своих внутренних и внешних войнах и постепенно, но вполне эффективно навязывали им свое название, свой язык, религию и цивилизацию. Естественно, такие отношения должны были достигнуть кульминации в слиянии двух народов. Так и произошло. Но этот медленный процесс окончательно завершился лишь в Средние века, когда турецкое (сельджукское) завоевание страны свергло в хаос весь общественный строй.

Вскоре после завоевания Урарту армянами, даже до того, как новые

правители смогли организовать и консолидировать земли под властью, подобной монархии, Армения была завоевана Киром (558–529 гг. до н. э.), а затем Дарием (524–485 гг. до н. э.). После стремительного наступления Александра Македонского на восток она перешла в руки македонян. Но в 190 году до н. э. два сатрапа, подчиненные Антиоху Великому, сбросили иго Селевкидов. Одним из них был Арташес, который с помощью покинувшего Карфаген Ганнибала спроектировал и построил свою столицу Арташат на реке Араке. За годы правления династии этого царя, ставшего легендарным героем, страна процветала и при Тигране Великом (94–54 гг. до н. э.) достигла небывалого величия. В 66 году н. э. ветвь парфянской династии Аршакидов укрепилась в Армении под сюзеренитетом и покровительством Рима. Первым царем из этого рода был Трдат I, ранее возглавлявший магов своей страны и, возможно, сделавший очень многое для установления в Армении зороастризма. А при Трдате II, потомке этого же царского рода, в начале IV века н. э. распространилось христианство, уже долго существовавшее в стране, но до этого часто преследуемое.

Глава 1

Развитие религиозных верований

Урарты верили в высшее существо, бога, имя которого было Халди. И если не все население, то большая его часть, называла себя халдами. Это название народа в провинции, расположенной на северо-западе Армении, откуда все прежние жители были угнаны армянскими завоевателями. Оно сохранилось и после окончательной гибели урартского государства. В их древнем, отличном от арийского пантеоне бок о бок с Халди стоит Тейшеба, бог грома и войны, широко известный в Западной Азии, и Шивини, бог солнца. Эти три мужских божества составляли триаду, повинуюсь вавилонскому влиянию. Опираясь на факт, что в вавилонской триаде, состоящей из Сина (луны), Шамаша (солнца) и Раммана (бога погоды), Син является властелином небес, ученые пришли к заключению, что Халди также, наверное, был (или стал) богом луны. Было ли это так или иначе, но в урартском пантеоне есть и второстепенный бог луны, названный Шеларди. Кроме того, еще не менее сорока шести второстепенных, в основном местных божеств перечислено в официальном (жертвенном?) списке. В первоначальном пантеоне халди не было женских божеств. Именно этим он принципиально отличается от азиатских (анаатолийских) религий, в которых богиня-мать занимает главенствующее положение. Но с течением времени вавилонская Иштар, влияние которой стремительно распространялось, прижилась и в Урарту под именем Шариз.

Можно с уверенностью предположить, что, по крайней мере в поздний период существования, задолго до появления на политической арене армян, Урарту были знакомы индоиранцы и их арийские обычаи и верования. Мидийцы сформировались как нация задолго до 935 года до н. э., а чуть позже скифы укоренились в Манне, стране, подвластной Урарту на востоке. Неоспоримым свидетельством их влияния является тот факт, что в Манне Халди идентифицировали с Баг-Магиту (Баг-Маздой), верховным богом и, возможно, более древней формой иранского Ахурамазды.

Армяне уважительно отнеслись к религии и всей цивилизации Урарту, находившейся в самом расцвете, когда они поселились на этой земле. Об этом свидетельствует тот факт, что они пощадили древнюю столицу, город Тушпа (нынешний Ван), а провозглашенный столицей позднее Армавир стал для них священным городом. Здесь, согласно национальной легенде, даже царевицы занимались искусством прорицания, прислушиваясь к шелесту листьев священного тополя (*арм.* Saus). С другой стороны, следы армянского язычества убедительно доказывают, что вновь прибывшие дали урартам бесконечно больше, чем заимствовали у них.

Фракийцы и фригийцы, с которыми армяне были родственны, исповедовали в более поздние времена несовершенную, но таинственную религию, и их пантеон был прост.

Рэмсей, в своей статье о фригийцах, допускает, что главное божество, появившееся в Малой Азии с приходом фракийцев, было мужского пола, и, так как местная религия постепенно перенималась завоевателями, этот бог

отождествлялся с азиатской богиней и узурпировал ее определенные функции. Во всяком случае, у фригийцев были бог неба Богайос и, должно быть, богиня земли Семела (персидская Замин), которую, без сомнения, стали отождествлять в некоторых аспектах с местной богиней (Кибела, Ма и т. д.). Соединять воедино богиню земли и луны, кажется, было вполне распространенным явлением на Ближнем Востоке. Дионис или Сабазий олицетворял источник плодоносящих сил природы, без какой-либо ссылки на род человеческий. Он был богом растительности и виноделия. Его дары: зерно, что поддерживает жизнь (подкрепляет, придает силы), и вино или пиво, что веселят душу. Эти дары возникли из недр матери-земли, повинувшись его мистическому влиянию, потому что земля и Дионис были любовниками.

В день зимнего солнцестояния фракийцы и фригийцы устраивали дикие оргии (вакханалии), когда нагие женщины, впадавшие в экстаз под музыку и танцы, ведомые жрецами, бродили группами в полях и лесах, выкрикивая имя божества или часть его (например, Саба), и каждый оглушительный крик выражал стремление пробудить мертвого бога к воспроизводительной активности. Его представляли стремительно проходящим от детства к юности, от юности – к молодости, так как он должен был воплотиться в быка, самца любого животного, мужчину или даже в дитя. Праздник достигал своего апогея в поглощении теплой окровавленной плоти, только что вырванной из живого быка, козла или... жреца. Сабазия под именем Загрея таким образом разрывали на части и поедали его ревностные служительницы. В этой священной трапезе бог, без сомнения, воплощался в своих жрицах и посылал земле плодородие.

Нет никаких явных следов таких омерзительных ритуалов в том, что передалось нам из древней религии армян. Есть лишь общеизвестное благочестие. Что бы они ни сохранили, кажется, принадлежит к другому слою фригийско-фракийской веры.

Внимательное изучение этого античного материала указывает на параллельное развитие религии и мифологии Армении и других индоевропейских народов, особенно принадлежащих к языковой группе сатем.

Их языки содержат неисчерпаемый запас индоевропейских слов, связанных с религией, таких как Tiu (Dyaus = Zeus = Tiwaz), «день», и Di-kh (от Deiva-Deus и т. д.). Когда древние армяне выкрикивали: «Ти (или Тир [Tir]), вперед!», должно быть, они имели в виду Дьяуса Питара, который также был богом войны, а не Тира (Tiur), ученого, но довольно мирного летописца богов. Даже имя Варуна появляется у них в иной форме Вран (родственное ouravoc;) и в значении «шатер», «укрытие». Вполне возможно, что слово astwads, «Бог», которое в христианские времена вытеснило языческое Di-kh, «боги», первоначально служило эпитетом отца богов и людей, так же как Istwo в германской мифологии.

Имена литовского Перкунаса и германской Фьёргюн, бога грома и погоды и богини земли, до сих пор сохранились в армянских словах eḡkin, «небеса», и erkir (erkinr?), «земля». Слово iord, erd, «земля», продолжает жить в армянском ard, «земля», «поле».

Другое древнеармянское слово, обозначающее мать-землю, возможно, заключено в слове *armat*, сейчас имеющем значение «корень». Но в форме прилагательного *armti-kh*, «злаки», оно скрывает более раннее значение, которое может прояснить вызывающее много споров ведическое *aga-mati* и авестийское *armaiti*. Слово *hołm*, «ветер», изначально, возможно, имело значение «небо», как родственное слову *Himmel*. Ведическое и авестийское *vata* (*герм.* *Votan*?) представлено в армянском как *aud*, «воздух», «погода», «ветер», Ваю имеет не одно мифологическое имя. Даже ведическое *Ayamaṇ* и германское *Irmin* узнаваемы в имени Арменака, широко известного героя армян, который, таким образом, отождествляется с древними Дьяусом и Тивазом. К ним могут быть добавлены и другие, с которыми мы встретимся позже. А в мифах о Ваagne мы увидим, как в Индии и в германских землях жестокий бог грозы вытеснил более значительную фигуру небесного бога.

Дуб (который в Европе был священным деревом бога неба) и вода играли важную роль в армянских ритуалах священного огня. Священный огонь, как и в Европе, был часто погашен водой. Эта религия тесно связана с земледелием. Принимая во внимание полное соответствие фактов по этому вопросу в славянской и древнеармянской мифологии, можно задаться вопросом, не являются ли фракийско-фригийские таинства, только что описанные здесь, локализованным развитием культа молнии, столь характерного для славянской семьи, к которой, возможно, принадлежали фрако-фригийцы и армяне. Действительно, согласно Томашеку, бог грозы занимал очень заметное место во фракийской религии.

Кульτ молнии, в той или иной степени смешанный с поклонением богу грозы, был широко распространен у индоевропейцев, и это подтверждается у фракийского народа не только именем Хиагниса, фригийского сатира (см. главу о Ваagne – гл. 5), и Збел (Сбел) Тиурдос, но и названием «бык», которое принадлежало Дионису, и такими греческими мифами, согласно которым он на короткое время завладел молнией вместо Зевса.

Вскоре после прихода в Урарту армяне попали под очень сильное влияние иранцев и в общественной сфере жизни, и в религиозной. Мощным потоком иранские слова влились в их язык. Благодаря этому факту филологи прошлого поколения склонялись к тому, что армянский язык – ветвь иранского. Когда Ксенофонт встретил армян, находясь в уединении, им был понятен персидский, и они жертвовали лошадей солнцу (или, возможно, Митре). Ни в религиозной литературе, ни в систематической теологии ничего нет об остатках армянского язычества или культах зороастрийского типа. По-видимому, реформированная религия Ирана проникла в Армению очень медленно, в виде беспорядочной массы распространенных верований, которые иногда вступали между собой в противоречия на своей новой родине. Фактически имена зоро-астрийских богов и духов, которые встречаются в Армении, несут на себе отпечатки постклассического и досасанидского периодов.

И в конце концов, контакты с Сирией и эллинистической культурой во времена македонян, а особенно при Тигране Великом (95–54 гг. до н. э.), привнесли новый элемент в религию страны. Статуи сирийских и греческих богов и богинь были приобретены тем или иным способом и установлены в армянских храмах. Так, небольшая группа семитских божеств попала в

армянский пантеон, и были проведены интересные сравнения между армянскими божествами и богами-олимпийцами. Очевидно, под влиянием греческого Запада и сирийского Юга армяне, принадлежавшие к высшим слоям общества, сочли недостаточным количество своих богов и поставили перед собой задачу создать более впечатляющий пантеон. Это было время примирений, отождествлений, можно сказать, вандальского синкретизма, ведущего к превращению религии армян в необычайно пестрый клубок разнородных верований. Единственное, что их извиняет, – то, что все их соседи шли тем же путем. Поэтому неудивительно, что за краткий период владения Арменией в середине III века Сасаниды предпринимали ряд серьезных попыток обратить страну в веру огнепоклонников. Однако не все было потеряно во времена синкретизма и всеобщей неразберихи. Многие особенности древней эпохи могут быть восстановлены благодаря стойкому консерватизму простых людей, спасших огромное количество подлинного материала. Кратко выражаясь, в нем прослеживается и историческое развитие, и происхождение армянской мифологии. Мы полагали, что обнаружим в ней урартские, семитские, армянские, иранские и греческие элементы. Но на деле урартская религия слилась с армянской, тогда как греческая всего лишь оставила поверхностный след, а семитская вовсе не продвинулась далеко в своих завоеваниях. По этой причине армянское язычество в том виде, в каком дошло до нас, является главным образом конгломератом исконных и иранских элементов.

Глава 2

Главные божества

Страбон, прославленный греческий путешественник I века н. э., в своих заметках о культе Анаит в Эресе (Эризе) говорит, что «и мидийцы, и армяне почитают все, что является священным для персов, но, кроме того, армяне чтят Анаит».

Официальная (или жреческая) реорганизация национального пантеона, должно быть, была предпринята примерно перед самым началом нашей (христианской) эры. Агафангел ясно дает нам понять, что царь Хосров, возвратившись после успешных набегов, «приказал разыскать семь великих алтарей Армении и отдал почести с всякими жертвоованиями и ритуальной пышностью святыням своих предков, Аршакидов». Этими святынями были главные храмы семи богов: Арамазда, Анаит, Тира, Михра, Баал-Шамина (армяне произносили как Баршамин), Нанэ и Астхик. Возможно, эти боги и богини все были покровителями (духами) семи планет. Если это так, то Арамазд был повелителем Юпитера, Тир соответствовал Меркурию, Баал-Шамин или Михр – Солнцу, Астхик – Венере, сейчас называемой Arusyak, «маленькая невеста». Луна ассоциировалась с Анаит или Нанэ. К этим семи национальным божествам вскоре присоединилось восьмое. Широко известен культ Ваагна, который на самом деле изначально был соперником Баал-Шамина и Михра. Можно также добавить, что получили распространение культы солнца, луны и звезд как таковых и, вероятно, определенное признание – Спандарамет и Затик. Армения полностью переняла культ природы, выразившийся в поклонении горам, рекам, родникам, деревьям и т. д.

Среди главных божеств Арамазд был самым сильным, а Анаит – самой популярной; вместе с Ваагном они образовали триаду. Это превосходство трех богов ставило остальных в незавидное положение второстепенных божеств.

Мы знаем совсем немного о культах древней Армении, но можем сказать в общих чертах, что вряд ли они представляли собой большее смешение разных верований, чем пантеон.

«Храм» обозначается по-армянски двумя словами: Mehyan (возможно, произошло от Митра – Михр) и Tajar (имело также значение «столовая»). Множественное число слова Bagin, «алтарь», также значило «храм» или «храмы». В храмах хранились несметные сокровища, но они распахивали свои двери перед всеми входящими.

Агафангел описывает жертвоования, сделанные Хосровом после его возвращения из победоносных походов, такими словами: «Он приказал отыскать семь великих алтарей Армении, и он отдал почести святыням своих предков, Ар-шакидов, пожертвовав белых быков, белых баранов, белых лошадей и мулов с золотыми и серебряными украшениями и вышитыми золотом и отделанными бахромой шелковыми покрывалами, золотыми венцами, серебряными жертвенными чашами, прекрасными вазами с драгоценными камнями, великолепными одеждами и роскошными

украшениями. Он также отдал пятую часть награбленного добра жрецам и щедро одарил их».

В Баязиде (древний Баграванд) был найден старинный армянский алтарь с рельефом. Вверху – странное животное, по обеим сторонам – мужчины, одетые в длинные туники. Один – безбородый и несет тяжелую булаву. Другой – с бородой. Их головные уборы, фригийские по своему виду, различаются в деталях. У обоих мужчин руки воздеты в молитве.

Вероятно, слово «жертвоприношение» обозначалось как *spand* (*лат.* *sventa*, *персидское* *spenta*, «священный», *греч.* *ontv8w*, «совершать возлияние»); место для жертвоприношений называлось *Spandaran*, «священное место»; и жреческий род, ответственный за жертвенные ритуалы, был известен как *Spandunis*. Он занимал высокое положение среди армянской знати.

Даже сегодня *Spandanotz* имеет значение «бойня», а *Spananel* – «убивать, умерщвлять». Ни одно армянское слово со значением «жрец» больше не дошло до нас, учитывая, что Кштп – сирийского или азиатского происхождения. Кроме рода Спандуниц был также род Вахуниц, призванный служить жрецами в храмах Ваагна. Этот род также принадлежал к знати.

Жречество было в таком почете, что армянские цари часто отдавали одного или нескольких своих сыновей служить жрецами в прославленных храмах. Местом захоронения важных жрецов считается Багаван (город богов). Страна могла гордиться главным образом тем, что обладала такими жреческими (священническими) родами.

Арамазд

Кто бы ни был главным божеством армян, когда они завоевали Урарту, в более поздние времена это важное положение занял Арамазд. Арамазд – искаженное *Aura Mazda* из древне-персидских надписей. Его культ, некогда широко распространенный, одно из самых достоверных доказательств существования в Армении зороастризма, хотя и в очень примитивной, несовершенной форме. Несмотря на этот факт, армянское божество, несомненно, является точной копией своего персидского тезки. Оно обладает некоторыми чертами, которые напоминают нам о более древнем небесном боге.

В отличие от Ахурамазды Зороастра (Заратуштры), Арамазд был верховным богом, но ему не была присуща исключительность. Рядом с ним находились другие боги, пришедшие отовсюду, для которых он был отцом. Анаит, Нанэ и Михр в определенном смысле считались его детьми. Хотя некоторые священники греческой церкви в IV веке рассматривали армянское язычество как значительный шаг в приближении к христианскому монотеизму, надо признать, что оно скорее было отражением прославленного зороастризма, а верховенство Арамазда никогда не восходило в Армении к монотеизму, при котором положение других богов и богинь могло быть принижено превращением в простых ангелов (Амешы и Азаты). Арамазд изображен Ага-фангелом творцом небес и земли, также как и Ксерксом, который говорит в одной из своих надписей: «Аурамазда – великий бог, величайший среди богов, создатель этого неба и этой земли». Армянского Арамазда называли «великим», и он, должно быть, обладал величайшей мудростью (*арм.* *imastun*, родственное слову *mazdao*), но чаще всего он характеризовался как *arī*, «мужественный», «храбрый», что заставляет вспомнить слово «агуа» (арии, индоиранские народы).

Очевидно, он был милосерден и миролюбив, как и почитавшие его люди, для которых мудрость обычно несет в себе идею добродетели. Насколько нам известно, он никогда не изображался воинственным богом, не находился в противоречии с источниками зла, как это отмечается у авестийского Ахурамазды. Однако он, без сомнения, отстаивал справедливость и боролся за нее (*арм.* *ardar*, «справедливый», *уран.* *arda*, *санскр.* *rita*).

Более того, Арамазд дарил процветание, особенно «изобилие и тучность» земле. В этом – проявление его древнего характера небесного бога. Его излюбленный эпитет – *Amenaber*, «приносящий добро». Он делал поля плодородными, а сады и виноградники давали богатый урожай, несомненно, благодаря посылаемому им дождю. Мысль о богине земли отодвинулась на второй план в умах армянского народа. Но абсолютно вероятно, в этой связи что-то подобное фракийской или фригийской вере в Диониса в их воображении соединялось с Арамаздом, и кроме его интереса к плодородию земли его имя иногда использовали для перевода имени греческого Диониса. Все-таки даже персидский Ахурамазда имел отношение к урожаю, и, по словам профессора Джексона, он был «великодушным» богом.

Его добродетельная сущность – источник плодородия, изобилия и причина главенства Арамазда на новогодних празднованиях Навасард. Согласно

более позднему календарю XIX века, они наступали в конце лета и, начинаясь 11 августа по юлианскому календарю, продолжались шесть дней. Хотя изначально армянский Навасард, подобно его персидскому аналогу, праздновался ранней весной. Несмотря на факт, что Аль-Бируни, в соответствии с более поздней, персидской (семитской?) точкой зрения, считает, что эти празднества устраивались в честь Сотворения мира, можно с уверенностью сказать, что и в Армении, и в Персии это были торжества, связанные с земледелием и с поминовением усопших (см. также главу о Шаапете – гл. 8) и имевшие своей целью добиться дождя и прибавления урожая. На деле Аль-Бируни сообщает нам о том, что в Навасард персы высевали «на блюде семь полос из семи разных сортов пшеницы и от того, как они росли, делали выводы относительно урожая зерновых в этом году». Они также обливали себя и других водой; обычай, который до сих пор распространен среди армян в пору весеннего сева и праздника Преображения в июне. Изначально это было благое магическое действо призывания дождя. Связь Навасарда с фраварти (*арм.* Hrotik, Гротиц) – месяцем, посвященным в Персии и, возможно, в Армении душам предков, очень значима, потому что в древней арийской религии эти души особенно заинтересованы в плодородности земли.

В более поздний (христианский) Навасард, в августе, второй урожай пшеницы уже находился на току или был надежно спрятан в амбарах, деревья гнулись под тяжестью сладких и сочных фруктов, и сбор винограда был в самом разгаре. Во многих местностях Навасард принимал характер *fete champetre*, сельского праздника, который отмечали рядом со святилищами. Деревенские жители стекались туда со своими пожертвованиями и дарами, с дикой музыкой и простыми танцами. Но Навасард также праздновали в маленьких и больших городах, где находились более знаменитые храмы Арамазда, привлекавшие огромное количество паломников. Мовсес особо упоминает этот праздник в связи с Багаваном, городом богов. Григорий Маги-строс (XI в.) говорит, что царь Арташес (190 г. до н. э.) на своем смертном одре, страстно желая увидеть дым, устремляющийся вверх из труб и плывущий над деревнями и городами в новогоднее утро, вздохнул:

О! Если б мог я увидеть дым, идущий из труб, И утро новогоднего дня, Быков поток и оленей, добытых на охоте! (Тогда) мы бы затрубили в рог и ударили в барабаны, как это приличествует царям.

Этот фрагмент напоминает прерванное предложение, с которого Аль-Бируни начинает главу о наурузе (Навасарде): «И он разделил чашу среди товарищей и сказал: „О, если бы науруз был каждый день!“».

В эти радостные дни Арамазд, чрезвычайно великодушный и гостеприимный властитель Армении, становился еще великодушнее и гостеприимнее. Без сомнения, пожертвованная ему плоть свободно распределялась между бедняками, а изнуренный дорогой путешественник всегда был радушно приглашен к столу празднующих паломников. В храмах должны были быть просторные залы для приема гостей. И Арамазд – Дионис угощал их своими дарами – зерном и вином.

После введения юлианского календаря армяне перестали праздновать

Навасард. Но они все еще хранят память о нем, съедая и раздавая огромное количество сушеных фруктов 1 января, так же как персы отмечали науроз, раздавая сахар.

До нас не дошло никакой информации о рождении или происхождении армянского Арамаз-да. Его имя появляется иногда как Ормизд, в форме прилагательного. Но мы не слышали, чтобы он был как-то связан с более поздней гипотезой магов об Аурамазде, согласно которой (вероятно, под эллинистическим влиянием) был сыном бесконечного времени (Zervana Akarana) и близнецом Ахримана. Более того, Арамазд был богом-холостяком. Рядом с ним не было ревнивой Геры, законной жены, постоянно досаждающей ему своими приставаниями. Даже Спента-Армаити (дух земли), или архангелы и ангелы, некоторые из которых изображаются и как дочери, и как свита Ахурамазды в дошедшей до нас Авесте, не упоминаются в близкой связи с главным армянским божеством. Только однажды в средневековом труде, посвященном жизнеописанию мучеников, Анаит названа его женой. Однако в древних авторитетных источниках эта точка зрения не находит никакой поддержки, хотя, вполне возможно, она существовала a priori.

Наша неуверенность в этом вопросе заставляет задуматься, как Арамазд вызвал к существованию богов, которые присоединились к нему. Здесь мифологическая цепь прерывается.

У Арамазда было множество святилищ по всей стране, потому что армянское язычество не было религией, отвергающей храмы, которой пытался стать маговский зороастризм. Самое почитаемое из них находилось в Ани, укрепленном священном городе (возможно, столице древних армян) в провинции Даранали, недалеко от нынешнего Эрзинджана. В нем были могилы и мавзолеи армянских царей, которые, как полагает Гельцер, спали под мирной сенью своего бога. В более поздние времена здесь стояла греческая статуя Зевса, привезенная с Запада вместе с другими знаменитыми скульптурными изваяниями. В святилище служило большое количество жрецов, и некоторые из них были царского происхождения. И святилище, и известную статую разрушил Григорий Просветитель во время своего похода против языческих храмов.

Другой храм (или алтарь) Арамазда найден в Багаване (городе богов) в провинции Баграванд, и еще один – на горе Палат (Пашат) наряду с храмом, посвященным Астхик. Мовсес Хоренаци в связи с этим замечает, что существовало четыре Арамазда, одного из которых называли Kund («лысый») Арамазд. Это не были четыре разных божества, а скорее четыре местные концепции одного и того же бога, которые нашли воплощение в характерных скульптурах.

Анаит

Вслед за Арамаздом, Анаит была самой важной богиней Армении. В пантеоне она располагалась в непосредственной близости от отца богов, но в людских душах ей отводили главенствующее положение. Она была «славой», «великой царицей или госпожой», «рожденной из золота», «золотой матерью».

Анаит – это авестийская Ардвисура Анахита, чье имя, если оно вообще иранского происхождения, значит «влажная, могущественная, целомудренная», загадочное, но не совсем неподходящее имя для азата – духа порожденных землей родников и рек. Но существует заметная и вполне оправданная тенденция считать, что персидская Анахита заимствована у вавилонян. Считается, что она – Иштар под именем Анату или эламит-ская Нахунта. Если это так, то, невзирая на ее общеизвестный характер, ей не нашлось бы места в Авесте, пока она бы не избавилась от нежелательных черт и пристрастий. Так в действительности и произошло. Но даже в ее авестийском образе легко узнать оригинал. Эта зороастрийская золотая богиня родников и рек с высокой грудью, подобной гранатовым плодам, имела особое отношение к плодovitости рода человеческого. Она была заинтересована в рождении детей и их воспитании, подобно Иштар, под чьим покровительством дети занимали определенное место в магических ритуалах и священных обрядах. Персидские девушки молились ей о храбрых и сильных мужьях. Куда бы она ни попадала с персидскими армиями и культурой – в Западную Азию, Армению, Понт, Каппадокию, Фригию и т. д., – ее владычество над родниками и реками не принималось во внимание, и она сразу же отождествлялась с некой богиней любви и материнства, обычно с Ма или Великой матерью. Однако было бы разумно предположить, что в самой Персии была популярна Анахита, которая ничем не уступала Иштар. В дальнейшем это подтверждается тем фактом, что персы до сегодняшнего дня называют планету Венера Нахид.

Армянской Анаит также присущ азиатский характер. Она не похожа на шагнувшую со страниц Авесты чистую, идеализированную фигуру. Она – из самого сердца простого народа Персии, или Парфии, но, должно быть, ей присвоены качества и древние святилища какой-то местной богини. Вряд ли она вообще имеет отношение к родникам и рекам. Она просто женщина, дочь Арамазда, сестра персидского Михра и космополитичной Нанэ. Как и в авестийских яштах (гимнах) Анаит, так и в Армении ее самый прекрасный эпитет – «золотая». Ее часто называли «рожденной в золоте» или «золотой матерью» – наверное, потому, что ее статуи были из чистого золота.

В свете того, что было только что сказано, неудивительно, что эта богиня представляла в Армении два разных типа женственности (женщины), согласно дошедшим до нас источникам. Большинство раннехристианских писателей, особенно Агафангел, который бы страстно схватился за любую мелочь, дискредитирующую ее доброе имя, ничего не сообщают о ее развращенных вкусах или непристойных обрядах.

Если и не с долей тонкой иронии, то по крайней мере эхом древнего языческого языка звучат слова царя Трдата, назвавшего ее «матерью всей

умеренности», то есть порядка, противоположного распутному и неприличному образу жизни. Все выражение может также толковаться как «рассудительная, целомудренная мать». У Агафангела или Мовсеса нет никаких намеков на непристойные ритуалы, связанные с ее культом.

Не меньший авторитет, чем географ Страбон (63 г. до н. э. – 25 г. н. э.), рассказывает, что великое святилище Анаит в Эрезе (или Эризе) в Акилисене (Екегиаце – провинция, которую также называют Анаитакан из-за широко распространенной известности этого храма) являлось центром проведения непристойных обрядов. Здесь прислуживали рабы обоего пола и, более того, дочери знатных семей предавались проституции на определенное время, до того, как выходили замуж. Это никоим образом не становилось впоследствии препятствием для вступления в брак.

Страбон не единственный, кто представляет Анаит в столь дурном свете. Сами армяне отождествляли ее с Артемидой Эфесской. Фавстос Бузанд, писавший в V веке, говорит о не до конца христианизированных армянах предшествующего столетия, утверждая, что они продолжали «втайне совершать обряды древним божествам, предаваясь блуду». Он ссылается на ритуалы, связанные больше с поклонением Анаит, чем ее южной сопернице, Астхик, которую ученые отождествляли с Афродитой и в связи с чьим культом не упоминается ни единой непристойности. Средневековые авторы Армении также делают подобные утверждения относительно Анаит. Ванакан Вардапет говорит: «Астарта – позор сидонцев; халдеи (сирийцы или месопотамцы) звали ее Каукабта, греки – Афродита, а армяне – Анаит».

В письме Сааку Арцруни, приписываемом Мовсесу Хоренаци, мы читаем, что в провинции Анцевац находился знаменитый Камень кузнецов. Здесь стояла статуя Анаит, и здесь кузнецы (без сомнения незримые) подняли ужасный грохот, стуча своими молотками о наковальни. Коварные и злые создания (бесы-искусители), то есть идолы, раздали прямо из тигля пригоршни фальшивого лекарства, служившего исполнению злых устремлений, «подобно тем, что святой Киприан предназначил для умерщвления девы Юстины». Впоследствии на этом месте воздвигли алтарь Святой Девы и женский монастырь, названный Hogeatz vank.

Однако не подлежит сомнению, что армянская Анаит позволяла проведение оргий, что на Древнем Востоке было характерно для богов и особенно богинь плодородия. Также не подлежит сомнению, что цель этих непристойных ритуалов – добиться ее благосклонности. С другой стороны, вполне возможно, что в семейной жизни она играла хорошо известную роль рассудительной матери подобно Гере или, скорее, Иш-тар, обряженной невесты и покровительницы брака, ревниво наблюдая за соблюдением мужем и женой взаимных обещаний любви и верности и благословляя их союз. Поэтому мы можем интерпретировать смысл приведенного выше описания этой богини словами, которые Агафангел вложил в уста царя Трдата: «Великая госпожа (или царица) Анаит, которая есть слава и животворящая сила нашего народа, которую почитают все цари, особенно греческий (sic!), которая является матерью всевоздержанности и благодетельницей из-за того, что оказывает милости, но особенно потому, что дарует детей всему человечеству; благодаря которой Армения живет и сохраняет свою жизнь».

Хотя в таких примерах небезошибочно обрисованы особенности, схематичная систематизация фактов имеет свои недостатки, в общем можно сказать, что Арамезд однажды сотворил природу и человека, но ныне он (опираясь на точку зрения размышляющего армянского язычника I века) помогает сохранить жизнь, даря изобилие зерна и вина. Анаит, которой тоже не безразлично все растущее, одаривает детенышами животных и детьми – людей; она печется о них, как мать, и в раннем, и в зрелом возрасте. Арамезд – бог плодородия земли, Анаит – богиня плодovitости народа.

Однако, поскольку она была глубоко человеческой богиней, то имела отношение не только к рождению и опеке над детьми. Как к благосклонной и могущественной матери, к ней обращались в случае тяжелой болезни и, возможно, призывали в других бедах. Агафангел упоминает заботу, с которой она относится к людям. У Мовсеса мы читаем, что царь Арташес, смертельно больной, отправил своего вельможу в Эрзес снискать милость добродушной богини. Но, в отличие от Иштар и персидской Анахиты, армянская Анаит не проявляет никаких воинственных наклонностей и имя ее не ассоциируется со смертью.

Как и у Арамезда, в Армении у нее было множество храмов, но самые известные находились в Эрзесе, Арташате, Аштишате и Армавире. Гора в Софене называлась Трон Анаит, и у Камня кузнецов стояла ее статуя. Храм в Эрзесе был, без сомнения, богатейшим святилищем в стране и излюбленным центром паломничества. Он был захвачен и разрушен до основания Григорием Просветителем. Лукулл вступил в провинцию Анаитакан, и только ради сокровищ, за сохранность которых боялись местные жители.

В честь Анаит проводилось два ежегодных празднества: одно, как утверждает Алишан, 15-го навасарда, вскоре после Нового года. Также ей был посвящен девятнадцатый день каждого месяца. Регулярное паломничество в ее храм предполагало принесение в жертву телки, поход к реке Ликос, протекающей поблизости, и пир, после которого статую богини украшали венцами. Лукулл увидел стада телок, посвященных богине, отмеченных ее знаком – факелом, которые паслись на лугах, на берегу Евфрата и на которых никто не обращал внимания. В странах к западу от Армении голову Анаит украшал полумесяц.

Мы уже говорили о том, что статуи, изображающие Анаит в главных святилищах, а именно в Эрзесе, Аштишате и, возможно, Арташате, были из чистого золота. По словам Плиния, описывающего статую в Эрзесе, она была не имеющим аналогов памятником Античности. Подчиняясь не Лукуллу, а Антонию, римские солдаты похитили знаменитую скульптуру. Ветеран из Болоньи, однажды развлекавший Августа и стараясь блеснуть изысканством, высокопарно высказался, что император ел обед с ноги богини и был первым врагом знаменитой статуи, безнаказанно допустившим святотатство, несмотря на слухи об обратном. Она, вероятно, была идентична статуе Артемиды Эфесской, которую, по словам Мовсеса, привезли в Эрзес с запада.

Тиур (Тир)

За пределами Арташата, древней столицы Армении (на Араксе) и близко на дороге в Валарша-пат (зимнюю столицу), находился самый известный храм Тира. Это место называлось Егазатиун (по-гречески *ὑπεροψοῦσος*), что в переводе, возможно, означает «толкователь снов». У Тира был еще один храм в священном городе Армавир.

Он был не кем иным, как писцом Арамазда, что может означать только одно: высоко, в обиталище богов, он вел запись добрых и злых деяний людей ко дню Страшного суда, или, что более вероятно, ему в обязанность вменялась запись повелений (*hraman*, *перс*, *firman*), которые издавались Арамаздом в отношении каждой человеческой жизни. Эти повеления, без сомнения, записывались не только на небесных дощечках, но и на лбу каждого родившегося ребенка. Обычно их называли «начертанным на лбу», что, согласно современному фольклору, можно различить издали, но никто не в силах прочесть.

Кроме этих общих волеизъявлений и тех, что определяли судьбу человека еще до рождения, армяне верили в их ежегодное исполнение, напоминающее происходящее на собрании вавилонских богов на мировой горе во время загмука (новогодних празднеств). Они установили, что это событие происходило весенней ночью. Как свидетельство этого можно наблюдать только повсеместно соблюдаемые ритуалы.

В христианской Армении та ночь стала ассоциироваться с днем Вознесения Господня. Люди, несомненно, снова и снова возвращаются к древней традиции, когда говорят о неизведанном, таинственном часе ночи накануне Вознесения, когда тишина окутывает всю природу. Небеса становятся ближе. Все родники и ручьи перестают течь. Потом цветы и кустарники, холмы и камни начинают приветствовать друг друга и обращаться друг к другу, и каждый проявляет свою, особую добродетель. Царь Змей, ухвативший себя за хвост, в эту ночь учится понимать язык цветов. Осведомленный об этом часе может любую вещь превратить в золото, погружая в воду и выражая свое желание именем Бога. Некоторые также говорят, что родники и реки струят свои воды, которые несут золото, но добыть его можно лишь в определенный момент.

В день Вознесения люди стараются узнать, что их ждет в течение года, обращаясь к книгам предсказаний или гадая по предметам, помещенным за день до того в чашу с водой вместе с травами и цветами. Тонкой тканью накрывают вещи, которые всю таинственную ночь созерцали лишь звезды, а молодая девушка достает их одну за одной, пока произносят стихи, прорицающие будущее.

Был ли Тир изначально связан со всем этим или нет, он являлся писцом Арамазда. Будучи ученым и искусником, он покровительствовал знаниям и наделял умениями. Его храм, названный хранилищем писца Арамазда, был также храмом учения и мастерства, то есть не только особым святилищем, где можно молиться и давать обеты, но и школой, где можно было учиться. Что бы ни включало в себя это обучение знаниям и умениям, оно было

напрямую связано с искусством прорицания. Что-то вроде Дельфийского оракула. Это косвенно подтверждается тем фактом, что Тир, который не имел никакого отношения к свету, отождествлялся в эллинистические времена с Аполлоном, а также тем, что храм Тира пользовался великой славой за толкования снов. Именно сюда простой народ и знать приходили искать руководства в делах и просили истолковать свои сны. Толкование снов за долгое время превратилось в систематическую науку; она передавалась из уст в уста кланом жрецов или прорицателей их ученикам. Тир, должно быть, также покровительствовал письму и риторике, потому что на полях древнего армянского манускрипта Деяний Апостолов (14: 12) имя Гермеса, за которого однажды ошибочно приняли Павла из-за его красноречия, разъяснялось как «бог Тир».

Кроме всего сказанного, более чем вероятно, что Тир был богом, препровождавшим души умерших в мир иной. Очень распространенное армянское проклятие «Чтоб писец его унес!» или «Писца на него нет!», так же как близкое сходство Тира с вавилонским Набу, во многих отношениях подтверждают это мнение.

Несмотря на отождествление с Аполлоном и Гермесом, Тир ближе к вавилонскому Набу, чем к любому из греческих божеств. В действительности сам Гермес – копия Набу. Последний был богом учения и мудрости и обучал искусству письма. Он знал значение предсказаний и магических заклинаний и мог наделить этим даром. Он посылал (и, возможно, толковал) сны. В Вавилоне Набу был неразрывно связан с планетой Меркурий.

Но имя Тира – доказательство того, что вавилонский Набу не пришел прямо с юга. Какими же окольными путями он проник в Армению?

Ответ прост. Несмотря на загадочное молчание Авесты по этому поводу, в Иране был известен бог по имени Тир. Один из месяцев персидского календаря, как утверждают древние каппадокийские и армянские источники, был посвящен этому божеству (возможно, как и тринадцатый день каждого месяца). Как среди иранцев, так и среди армян встречается множество имен, составной частью которых является имя бога – Тир, как, например, Тирибаз, Трдат, Тиран, Тирик, Тироц, Тирит и т. д., что само по себе является неоспоримым свидетельством популярности бога. Тиро-Накатва – имя святого, которое встречается даже в Авесте. Из Ирана Тир переселился следом за персидскими войсками и персидской культурой в Армению, Каппадокию и Скифию, где мы обнаруживаем его имя Тейро, выгравированное на индоскифских монетах I века н. э.

У нас есть довольно веские причины утверждать, что армянский Тир точно соответствует иранскому Тиру и они оба идентичны Набу. Так же как Набу в Вавилоне, так и Тир в Иране был духом-покровителем планеты Меркурий и носил титул Dabir, «писец».

Но самым прямым доказательством может быть ссылка на первоначальное сходство персидского Тира с Набу. Нововавилонский царь Навуходоносор был глубоко предан Набу, своему святому покровителю. В устье Евфрата он построил в его честь город и дал ему название, частью которого было имя

божества. Это название было переведено на греческий Беросом(или Абиденом?) как Τερήδωι и Διρίδωτις, «посвященный Меркурию». Последняя форма, говорит Роулинсон, относится к времени Александра. Похожий на стрелу клин для письма был самым распространенным символом Набу и мог легко стать источником персидских обозначений. То, что стрела воплощает персидскую концепцию Набу, прекрасно подтверждается тем фактом, что и Геродоту, и армянским историкам известна древняя форма имени Тиран – Тигран, как распространенная. Тигран, без сомнения, происходит от Tigris, древнеперсидского слова «стрела».

Михр (Митра)

К несчастью, наши познания об армянском Михре очень фрагментарны. Бесспорно, он иранского происхождения. Когда-то широко известный, он, кажется, частично утратил свою популярность к тому моменту, когда мы встречаемся с ним. Его имя Михр (парфянское или сасанидское Митра) указывает на его позднее появление. Однако он был назван сыном Арамазда и, следовательно, братом Анаит и Нанэ. В широко распространенном персидском зороастризме, особенно во времена Сасанидов, мы обнаруживаем, что солнце (Михр) и луна были детьми Ормазда: первый – от его собственной матери или даже от смертной женщины, луна – от его родной сестры. Изначально в Армении Михр, вероятно, образовывал триаду с Арамаздом и Анаит, подобно описанной в надписях Артаксеркса Мнемона. Если так, то он вскоре уступил свое место национальному богу Ваагну.

Армянский Митра – загадка. Если он был духом света и воздуха, богом войны и соглашений, создание Арамазда, равное по силе своему творцу, как видно из Авесты, от этого не осталось никаких следов. Но для армян он был духом или богом огня, поэтому и отождествлялся с Гефестом во времена синкретизма. Это странное воплощение позже подтвердилось тем фактом, что до сегодняшнего дня главный праздник огня у армян происходит в феврале, месяце армянского календаря, соответствовавшем Мехекану (Мегеки) (посвященному Михру). Но нельзя не заметить, что во всем индоевропейском мире февраль был одним из месяцев, когда разжигались новые костры.

Связь Михра с огнем в Армении можно объяснить как результат раннего отождествления с местным Ваагном, который, как мы скоро узнаем, был богом солнца, молнии и огня. Эта догадка приобретает большее правдоподобие, когда мы вспоминаем, что Михр не продвинулся далеко в Армении и, в конце концов, Ваагн занял в триаде место, по праву и по традиции принадлежавшее Михру.

О тайных обрядах, посвященных Михру, ничего не известно. Существовало немало имен, содержащих в себе имя бога: Михран, Михрдат и др. Армянское слово *Meḥyan*, «храм», возможно, тоже происходит от его имени.

Мы знаем, что на празднике Митры – Митракане, когда великий царь Персии получал привилегию напиться (хаомы?), его армянский вассал посылал ему тысячу лошадей. В районе Сасуна (древний Тараунтис) мы встречаем легендарного героя по имени Мехер (Мгер), вокруг которого концентрируется множество сказок и эсхатологических мифов. Он все еще живет как пленник в скале Агравакар, «воронова скала» (или в пещере *Zumprumps*), в которую можно войти лишь в ночь перед Вознесением. Там он вращает колесо судьбы, и, когда оно остановится, наступит конец света.

Важнейший храм, посвященный Михру, находился в Багааридже (городе богов) в Дерджане, Высокая Армения (также Бардэр Айк или Карин), где хранились несметные сокровища. Это святилище также было разорено и разрушено Григорием Просветителем. Есть сведения, что в этой местности Михру приносили человеческие жертвы, и о том же прозрачно намекает

Агафангел. Однако это очень сложно объяснить, поскольку в Армении такое жертвоприношение сопряжено лишь с культом дракона (т. е. дьявола). На основании связи Михра с эсхатологическими событиями мы можем предположить, что армянский Михр постепенно раскрылся в двух аспектах, один из которых мы только что рассмотрели, а другой имеет некое мистическое отношение к силам подземного мира.

Спандарамет

Амеша Спента, Спента Армаити (священный дух земли) и хранительница виноградников, была также известна переводчикам армянской Библии, которые использовали ее имя во 2-й книге ветхозаветных апокрифов (ст. 7), чтобы передать суть имени Диониса. Однако ей не досталось места в армянском пантеоне. Она была известна только как персидская богиня. Мы не слышали о культе Спандарамет среди армян, а ее имя не встречается ни в одном армянском религиозном документе.

Конечно, странно, что переводчики использовали имя иранской богини, чтобы перевести имя греческого бога. И все же точка соприкосновения вполне ясна. У персов Спента Армаити была широко известна как хранительница виноградников, а Дионис был богом вина. Но то ли из-за явного полового различия, то ли потому, что армяне были недостаточно хорошо знакомы со Спандарамет, вскоре переводчики (2-я книга Ветхого Завета, 14: 33; 3-я книга Ветхого Завета, 2: 29) отвергли ее имя и Диониса назвали Ormzdakan, то есть Арамазд, о чьем особом интересе в плодородии мы уже упоминали. Спента Армаити лучше известна в древней религии Армении как Спандарамет, богиня подземного мира.

Поклонение земле Езник называет магическим и языческим ритуалом, но он не связывает его напрямую с армянами, хотя почти нет сомнения в том, что когда-то у них в пантеоне была богиня земли по имени Еркир (Перкунас) или Армат.

Семитские божества были введены в армянский пантеон относительно поздно, несмотря на тот факт, что армяне всегда поддерживали торговые связи со своими южными соседями. Именно Тигран Великий (94–54 гг. до н. э.) напомнил о существовании этих богов и богинь, привезя из своих походов их великолепные статуи. Нелегко утверждать, сколько в этом было политического смысла. Как полуварвар, который приобрел вкус к западным предметам, он наверняка был поражен проявлением эстетики и величием высокоцивилизованной сирийской империи Селевкидов, а также их религии. Должно быть, он увидел, что в ее основе лежит много общего с армянской, и это выражается в идентичности богов. Однако в самой Армении не происходило никакого слияния местных богов с иностранными. Из достоверных источников видно, что из всех сирийских богов и богинь, мигрировавших на север, лишь Астхик (Астарта – Афродита) приобрела широкую известность. Напротив, другие стали менее значимы, чем местные божества, поначалу встретив сильное сопротивление. Эта ранняя стадия отражена в отношении Баал-Шамина к Ваагну и в той манере, в которой он фигурирует в героическом эпосе Армении как потерпевший поражение или убитый в бою. Становится все более очевидно, что почти все семитские боги попали в Армению из Финикии. Но вряд ли в этом можно проследить организованность и групповую связь, подобно Баал-Шамин – Астхик, как считает Дженсен в своей фантастической книге *Hittiter und Armenier* (нем. «Хетты и армяне»).

Баал-Шамин (арм. Баршамина)

В деревне Тортан, где хоронили патриархов, начиная с Григория Просветителя, когда-то стояла «ослепительно-белая» статуя сирийского бога Баал-Шамина, властителя небес. Она была сделана из слоновой кости, хрусталя и серебра. В традициях своего времени Тигран Великий захватил ее, совершив победоносный поход в Сирию. Без сомнения, великолепный материал служил для выражения характера и истории божества, портрет которого стремились воссоздать. В легендарном прошлом Армении, когда господствовал эвгемеризм, Баал-Шамин появился как великан, которого сирийцы обожествляли за его героические подвиги и которого победил Арам и убили воины. В действительности Баал-Шамин изначально был верховным небесным богом, который одаривал добром и злом, жизнью и смертью, дождем и солнечным светом, но уже слился с сирийским богом солнца, когда попал в Армению. В своем приемном доме он всегда оставался более или менее непопулярным соперником Ваагна, местного бога солнца и огня. Единственный сохранившийся армянский миф о нем рассказывает о том, как Ваагн украл у Баал-Шамина солому холодной зимней ночью. Из соломинок, которые, торопливо убегая, обронил небесный вор, образовался Млечный Путь. Возможно, это однозначно армянская, но фрагментарная версия легенды о Прометее, а соломинки легко связать с рождением огня (см. главу о Ваагне – гл. 5). Нет нужды говорить, что миф, который был современен даже в христианской Армении, не задумывался как хвала иностранному божеству. Армянский бог сыграл шутку с назойливым сирийским собратом. Если Астхик была женой Баал-Шамина, Ваагн одержал над ним еще одну победу, завоевав ее любовь.

Нанэ (Нанэа?)

Нанэ – это, без сомнения, древневавилонская Нана, богиня, имеющая шумерское происхождение. В Эрехе (Уруке), городе юго-восточнее Вавилона, она была богиней вечерней звезды и владычицей небес. Фактически просто Иштар из Эреха, героиня знаменитого эпоса о Гильгамеше, богиня жизни и природной энергии, чувственной любви, войны и смерти. В давние времена ее статуя была захвачена эламитами, и ее возвращение в Ерек отмечалось как величайший триумф. Позже ее культ распространился на западе и севере. Она оказалась во Фригии и даже в Южной Греции. Согласно Первой книге Маккавеев (6: 2), в ее храме в Эламе хранились золотые статуи и несметные сокровища.

Возможно, она попала в Армению задолго до того, как Тигран обогатил пантеон сирийскими и финикийскими богами. Трудно объяснить, как и почему она стала называться дочерью Арамазда; мы знаем только, что однажды она заняла среди богов важное место.

Мы не слышали ничего об оргиях в ее честь в армянском храме в Тиле (BaXiva у Птолемея). Напротив, в эллинистические времена она отождествлялась с Афиной, и это означает, что она постепенно приобретала черты мудрой, суровой и воинственной богини.

Астхик

Из всех семитских божеств, проникших в армянский пантеон, ни одно не стало столь значительным, как Астхик, особенно в провинции Тараунтис. Несмотря на присутствие Анаит и Нанэ – двух богинь, подобных ее собственному типу и по этой причине соперничавших с ней, – она умела оставаться собой и даже завоевала любовь национального бога Ваагна. У ее храма в Аштишате (где у Анаит и Ваагна также были знаменитые святилища) было название «покои Ваагна», и там бок о бок стояли их статуи. Однако сейчас уже невозможно реконструировать миф, который лежал в основе всего этого. Возможно, здесь мы прослеживаем такую же близкую связь, как между сирийским Баалом и Астартой. Но также возможно, что миф этот чисто греческого происхождения и отражает приключения Ареса с Афродитой, потому что эллинизированные армяне называли Астхик Афродитой. Хоффман увидел в армянском имени Астхик (что означает «звездочка») перевод с сирийского *Kaukabhta*, позднее – обозначение Аштарты (Иштар) и как богини, и как планеты Венера. Последнюю армяне уже называют не Астхик, а *Arusyak*, «юная невеста», древним именем Иштар, «невестой под вуалью», и это говорит о том, что армяне не только отождествляли планету Венера с их богиней Астхик, но им было знакомо одно из ее самых значимых имен.

Принимая во внимание их полную идентичность, было естественно, что возникла некоторая путаница между Астхик и Анаит. Поэтому Ванакан Вардапет говорит: «Астарта, которую сирийцы называют *Kaukabhta*, греки – Афродита, а армяне – Анаит, настоящий позор жителей Сидона». То ли этот средневековый автор имел в виду Астхик вместо Анаит, то ли у него имя Астхик не ассоциировалось с ритуальной проституцией в Армении.

Обычай выпускать голубей в Розовое воскресенье, который армяне соблюдали в Шираке (см. главу 6), предполагает связь Астхик с этим праздником, истинную природу которого мы обсудим позже.

Память о ней все еще жива в Сасуне (древний Тараунтис), где молодые люди силились поймать мимолетное видение богини на рассвете, когда она купалась в реке. Но Астхик, которой было известно об их присутствии, стыдливо окутывалась утренним туманом. Ее главный храм находился в Аштишате, но у нее были и другие святилища, например на горе Палат или Пашат.

Затик

В армянском переводе Библии еврейский Лесах назывался «празднеством Затик», а с незапамятных времен и армянская церковь употребляет это название по отношению к Пасхе. Zatik, в значении «Пасха», неизвестно грекам и сирийцам. Здесь, несомненно, имеет место древнее слово, обозначающее древнее божество или древний праздник. Но каков его смысл? У иберийцев есть божество Zaden (Задени), именем которого клялись рыбаки, но о котором нам не известно ничего определенного, кроме того, что это женское божество и его имя, возможно, лежит в основе имени Сатеник, албанской царицы при Арташесе (190 г. до н. э.). Можно предположить исходя из ревностного служения Астхик, что Задени была северным образцом Иштар. Но форма Zatik и ассоциации, которые она вызывает, напоминают нам о палестинском Седэке (то же, что финикийский *Шубук*). Становится все яснее, что когда-то в Ханаане было главное божество, чье имя встречается в Melchi-sedeq, «Седэк – мой царь», Adoni-sedeq, «Седэк – мой повелитель» или в соответствии с более поздними взглядами, «Седэк – царь», «Седэк – повелитель». Еще дальше на Востоке у вавилонской богини Шамаш было два сына, названных соответственно Кетту (что значит «праведность», как и Седэк), и Мишару («честность»). Два этих божества также упоминаются в отрывках Philo Byblios Санхуниатона под именами Сыдык и Мисор – соответствия весеннему и осеннему солнцу в культе солнца и прибывающей и убывающей луны в культе луны.

Они представлены Ашерой у врат финикийских храмов как близнецы. В соответствии с вышеупомянутыми отрывками Санхуниатона, Сыдык был в Финикии отцом семи кабиров (великих богов) и Эшмуна (Асклепия), названного восьмым богом. В соответствии с этим в персидские и греческие времена сирийцы признавали в Седэке духа планеты Юпитер, что указывает на его давнюю бытность главным божеством. Этот бог некоторым образом связан с сирийским героем-богом Сандаком, которого упоминает Аполлодор Афинский, а с другой стороны, Сандака можно идентифицировать с Сандой из Тарса. Во всяком случае, Сандак отправился в Киликию и основал (т. е. он был его богом) город Келендерис и спустя два поколения героев стал отцом Адониса. Затик, подобно Седэку, возможно, был богом растительности, как Адонис, чье возрождение начиналось в зимнее солнцестояние и завершалось весной. Весенний праздник такого бога мог дать подходящее название и еврейскому Песаху, и христианской Пасхе. Весенние празднования смерти и воскрешения Адониса часто принимались и отождествлялись христианскими церквями со смертью и воскресением Христа. Однако в истории не наблюдается никаких следов постоянного поклонения Затику среди армян, хотя неотъемлемой частью их пасхальных празднований является театрализованное оплакивание, похороны и воскресение Христа.

Каким бы неудовлетворительным ни было это объяснение, оно ближе к истине, чем у Сандал-гяна (поддерживаемое Тирикьяном и другими). Оно состоит в отождествлении Затика с персидским корнем *zad*, «ударять», из которого, наверное, произошло армянское слово *zenut*, «безжалостно убивать».

Глава 5

Ваагн, «Восьмой бог», национальное Божество

В дошедших до нас источниках Ваагн предстает перед нами в двух аспектах: как национальный герой и как бог войны или отваги. При тщательном изучении вопроса видно, что он был не просто божеством, а самым народным из всех армянских богов. Вероятно, Ваагном намеренно пренебрегли, когда армянский пантеон был реорганизован в соответствии со стереотипной системой семи главных культов. Поэтому его официальный культ и назван «восьмым», вероятно указывая на запоздалое решение о его принятии. Но, будучи признанным, он вскоре оказался бок о бок с Арамасдом и Анаит, с которыми образовал триаду по образцу с Ахурамаздой, Анахитой и Митрой из более поздних персидских надписей. Более того, он стал любимцем армянских царей, которые приносили жертвы в его главный храм в Аштишате.

Как все это произошло? Рискнем предположить, что в пору распространения в Армении популярных зороастрийских идей зороастрийский или, возможно, маговский пантеон в неполном составе вытеснял местных богов или превращал их просто в национальных героев, Ваагн разделил судьбу последних. И все же в его культе было столько жизненной силы, что сам Митра не сумел прочно укорениться на этой земле, уступив величайшей популярности соперника.

Мовсес Хоренаци пересказывает древнюю песнь о рождении Ваагна. Она дает нам верный ключ к его характеру и происхождению.

Вот фрагмент этой песни:

Небеса и земля мучались в родах, И пурпурное море тоже
трудилось, Появился Красный стебель в море. Сквозь полый стебель поднялся
(родился) дым, Сквозь полый стебель вырвалось пламя, Из пламени восстал
юноша. Его волосы были – огонь, Бородой его было пламя, И солнца были его
глазами.

Другие фрагменты этой песни, сейчас утраченные, повествовали о том, что Ваагн сражался с драконами и победил их. Вишапы лучше всего известны как «драконы-жнецы». К Ваагну зывали, по крайней мере в царских эдиктах, как к богу отваги. В основном благодаря этому он стал любимым божеством армянских царей, а позже, во времена синкретизма, его отождествляли с Гераклом. Помимо обладания такими качествами, Ваагн претендовал на то, чтобы зваться богом солнца. Средневековый автор говорит, что древние поклонялись солнцу под именем Ваагн, а его соперничество с Баал-Шаминам и, возможно, с Михром, двумя другими богами солнца иностранного происхождения, подтверждает это точное высказывание.

Если объединить несколько совершенно не связанных между собой записей о Ваагне, они вызовут к жизни поразительный образ бога, который можно сравнить только с ведическим Агни, богом огня, образующим основу и сплотившим триаду: Индра (молния) – Агни (всеобъемлющий и жертвенный

огонь) – Сурья (солнце). Кроме того, имя Ваагн (Vahagn) может быть образовано из Van и Agni. Нет лучшего объяснения рождению, характеру и функциям Ваагна, чем ведические песни об этих трех божествах.

Из процитированного выше фрагмента, который под аккомпанемент лиры пели барды Гохтана задолго до христианизации Армении, можно сделать вывод, что рождение Ваагна имело мировое значение. Он был сыном небес, земли и моря, но особенно *моря*. Этот чудесный юноша, как солнце, встающее из-за горизонта, но, что более вероятно, бог огня, взметнувшийся, как молния, из священного моря, потому что родовые муки – не что иное, как бушующий неистовый шторм. Но это не имеет особого значения, потому что в арийской религии солнце – небесный огонь и всего лишь еще одна ипостась Агни. Очень важно, что армяне говорили и о заходящем солнце, и о погаснувшем факеле, что они «отправились к своей матери», то есть они вернулись к общей сущности, из которой произошли. Так мы приходим к осознанию единства огня божественного, небесного и земного, как в Ведах, и больше не принимаем во внимание вселенские муки при рождении Ваагна как поэтический образ, созданный армянскими бардами. Здесь мы соприкасаемся с древнеарийской основой. По крайней мере, в Ригведе появляется на свет так же, как и Ваагн. Он – дитя небес, земли и воды. Даже описание внешности ведического Агни (и самого Индры) сходно с описанием внешности Ваагна. Агни всегда молод, как и Ваагн. У Агни (так же как у Индры) рыжевато-коричневые волосы и борода, как у Ваагна, у которого «волосы – огонь и борода – пламя». Сурья (солнце) – глаз Агни. Глаза Ваагна – солнца.

Однако ключ к пониманию ситуации – «стебель», слово очень важное в индоевропейской мифологии в связи с тремя проявлениями огня: солнцем, молнией и земным огнем. Это особый священный трут для разжигания священного огня. Греческий Прометей принес людям украденный у богов (или у солнца) огонь в стебле фенхеля. Индра, ведический бог молнии, убив Вритру, был охвачен страхом и спрятался на некоторое время в стебле лотоса в озере. Однажды Агни прятался в воде и в кустарниках, где, наконец, боги нашли его. Мудрец Атхарва из Вед вытащил Агни из цветка лотоса, то есть из стебля лотоса. Многие победители драконов, которые обычно как-то связаны с огнем, солнцем или молнией, рождены из волшебного цветка. Это отголосок такого же древнего мифа о том, что в стебле хаомы находилась душа Заратустры. Такая праведная душа, без сомнения, была задумана как огненная субстанция, произошедшая свыше.

В основе всех этих историй лежит примитивный миф о чудесном рождении вселенского огня, украденного у солнца или добытого с помощью лучины в облаках, откуда он и спустился на землю (см. главу 6).

Убить дракона в древней мифологии обычно способен огонь в том или другом своем проявлении. Египетский бог солнца (очевидно, смешанное существо) убивает дракона с помощью изрыгающих огонь змей. Авестийский Атар (дающий и тепло, и свет) сражается с Ажи Дахакой. Греческий Геракл, видимо бог солнца, в раннем детстве задушил змей. Агни, как Индра, и Сурья – победитель Вритры. Ничто так не отпугивает македонского дракона, как удар молнии; хорошо известно, что в языческой религии и фольклоре злые духи, тесно связанные с драконами, всегда боятся головешек, да и

вообще страшатся огня. Макдонелл утверждает, что Агни широко известен как победитель гоблинов, даже больше, чем Индра.

И наконец, свойственных Ваагну храбрости и духа победы не чужды ведические Агни и Индра. Они оба – боги войны и победы, несомненно, в силу своей природы. Воинственная натура богов погоды – обычная вещь во всемирной мифологии. Даже авестийский Веретрагна унаследовал эту отличительную черту от своего индоевропейского предка, когда его имя было всего лишь одним из названий Индры или Ваю.

Мы намеренно до сих пор не упомянули еще одну важную деталь в описании Ваагна. В современном армянском фольклоре известен бог бури Dsovean («рожденный морем»), который с суровой богиней бури Dsovinar («рожденная морем») повелевает штормами и часто показывается на глаза людям. Учитывая факт, что мы не знаем ни одного другого рожденного морем божества в армянской мифологии, кто еще, как не Ваагн, все еще поражающий драконов своим огненным мечом или стрелой и посылающий на землю благодатный дождь, мог быть этим странным фольклорным героем? Его эпитет «рожденный морем», который сохранился с незапамятных времен и в дошедшей до нас песне о Ваагне, сильно напоминает ведическое Арам парат, «дитя воды», который повелевал морями, ниспосылая воду человечеству, но также был идентичен Агни в убранстве молний. Dsovinar (Цовинар) может быть напоминанием о русалках, которые сопровождали «дитя воды», или даже о богине, подобной Индрани, жене Индры.

Из этих размышлений становится ясно, что Ваагн – бог огня и молнии, рожденный из стебля в священном (?) море, с особой миссией сражаться с драконами. Его эпитет «жнец драконов» – отдаленный, но безошибочный отголосок доведического Vrtrahan (букв, «убийца Вритры»).

В действительности армянский миф о нем – традиция, независимая от исконной земли индоиранцев, и подтверждает древность многих ведических мифов, относящихся к Агни, которые современные ученые все чаще признают игрой воображения поэтов. И это вовсе не поразительное совпадение, что единственным сохранившимся фрагментом о Ваагне стала песнь о его рождении, тема, которая, по Макдонеллу, наряду с жертвенными церемониями Агни, занимает наиважнейшее место в душах ведических певцов Агни.

Солнце, луна и звезды

Мовсес Хоренаци постоянно упоминает культ солнца и луны в Армении. Когда произносили клятвы, в них неизменно звали к солнцу, повсюду возводили алтари и скульптурные изваяния солнца и луны. Какими были эти изваяния и насколько сильно на них повлияли сирийский и маговский культы солнца, мы не знаем. Сейчас мы можем рассматривать лишь средневековые концепции образов солнца и луны. Современные армяне представляют солнце похожим на колесо водяной мельницы. Агафангел, ссылаясь на письмо, якобы написанное Диоклетианом Трдату, невольно свидетельствует о преклонении армян перед солнцем, луной и звездами. Но древнейшее свидетельство этому мы находим у Ксенофонта, который говорит, что армяне жертвовали солнцу лошадей, возможно полагая, что ему никак не совершить без них свое ежедневное путешествие по небу. В Армении восьмой месяц года и, что более значимо, первый день каждого месяца были посвящены солнцу и носили его имя, а четвертый день месяца был посвящен луне. Армяне, подобно персам и большинству поклонявшихся солнцу народов Востока, молились восходящему светилу; обычай этот был принят и древней церковью, и в наши дни армянские церкви строят фасадом на восток, и мертвых хоронят головой к востоку, считая запад обиталищем злых духов. Что касается луны, Иоанн Мандакун в Увеке свидетельствует о поверье, что луна благоприятствует урожаю или, наоборот, способствует его порче. Анания Ширакаци говорит в своем труде *Demonstrations* («Аргументации»): «Праотцы называли ее лелеющей растения». Мысль эта находит подтверждение и на западе, и в авестийской Махяште (гимне луне), где упоминается, что урожай хорошо растет на прибывающей луне. Считалось, что, вступая в определенные фазы, луна становилась причиной болезней, особенно эпилепсии, которую иначе и называли лунной болезнью, но Езник пытается опровергнуть это суеверие, уточняя, что все дело в демонах, чья активность зависит от фаз луны. Современные армяне все еще очень боятся вредного влияния луны на детей и стараются защитить их, проводя специальные магические обряды, когда она находится в небе.

Как и у многих других народов, у армян считалось, что затмения солнца и луны вызывали драконы, которые пытались проглотить эти светила. Но «несчастливая звезда» («злая судьба») западных армян – простой пережиток суеверий, свойственных персам, полагавшим, что это явление происходит из-за двух темных небесных тел, отпрысков первозданного быка, скрывающих солнце и луну в момент прохождения между этими светилами и землей. Когда случалось лунное затмение, колдуны говорили, что оно напоминало явление демона. Более того, существовало известное поверье, что колдун мог привязать солнце и луну к их орбитам либо лишить их возможности светить. С помощью колдовства он мог низвергнуть солнце или луну с небес и, хотя они невероятно огромны, соединить вместе. Маги могли, поместив луну на гумно, доить ее, как корову. Последняя деталь – напоминание о первозданной корове и ее отношении к луне и одновременно указание на то, что это светило почиталось армянами как богиня плодородия. Нет необходимости подчеркивать еще раз, что затмения и появление комет служили предзнаменованиями бед. Армянская хронология полна записей о таких астрономических явлениях, которые предшествовали великим национальным и мировым катастрофам. Наряду со всеми

описанными обычаями существовал особый способ прорицания по луне.

И культ солнца, и культ луны оставили глубокий след в распространенных поверьях современных армян.

Сохранились всего лишь несколько мифов о звездах, да и то фрагментарно. Орион, Сириус и другие звезды, возможно, фигурировали в мифах, имеющих отношение к национальному герою, Айку, потому что носят его имя.

Мы уже знаем, что Ваагн украл солому у Баал-Шамина и создал Млечный Путь, что свидетельствует о его характере. Млечный Путь в древности был известен как «Путь вора, укравшего солому», и миф этот очень популярен у болгар, унаследовавших его от фракийцев.

Некоторые из дошедших до наших дней мифов о солнце повествуют о великом путешествии светила за горизонт в сторону запада. Армяне и славяне всегда говорили о заходящем солнце, что оно «отправляется к своей матери». Согласно Фрезеру, «Стесихор также описывал солнце, погружающееся в золотой кубок, чтобы пересечь океан в ночной тьме и прийти к своей матери, преданной жене и дорогим детям». Поэтому солнце представляли в образе молодого мужчины, который в своем блистательном шествии по небесам приближается к реинкарнации. Вероятно, люди верили, что ежедневная смерть и рождение – обычное явление, которое объединяет солнце как огонь небесный с огнем вообще и само по себе есть возвращение в священный стебель или дерево и возрождение из него. Они, должно быть, и считаются матерью солнца, а также огня, и это родственное отношение было известно и латышам, и даже древним египтянам. Армяне забыли первоначальное представление о матери солнца и придумали отличные от него истории. Некоторые из них переданы нам Абегианом. Часто они признавали матерью солнца рассвет или вечерние сумерки. Это была ослепительно прекрасная женщина с глазами сияющими, словно солнечные лучи, в золотых одеждах, на закате дарующая девушкам красоту. Сейчас же ее представляют то доброй женщиной, помогающей тем, кто наказан солнцем, то злой, проклинающей людей и превращающей их в камень. Считается, что мать солнца живет во дворце, который находится то ли на востоке, на краю света, то ли в море, похожем на озеро Ван. В отсутствие моря поблизости от нее есть хотя бы какой-то водоем. Подобно латышам и литовцам, которые думали, что Перкуна Тете, мать грома и молнии, купает солнце, освежает его в конце дня, армяне также ассоциировали ее с купанием солнца на исходе его ежедневного путешествия. Сам дворец описан великолепно. Он расположен очень далеко, там, где нет людей, нет птиц, нет деревьев и нет травы, где величайшая тишина нарушается лишь журчанием родников, бьющих в центре каждого из двенадцати дворов, выстроенных из голубого мрамора и перекрытых арками. В центральном дворе, над родником, расположена беседка, в которой мать солнца ждет его, сидя на краешке жемчужной кровати, озаренная светом. По возвращении он купается в роднике, а потом мать поднимает его, укладывает в постель и убаюкивает.

Армянам также было известно, что солнце пересекает широкое море, чтобы достичь востока. Езник пытается доказать, что это миф, но солнце все равно проходит под землей, а море есть не что иное, как первозданный океан, на

поверхности которого образовалась земля. Армяне считали, что в этом своем путешествии солнце освещает мир мертвых, так же как вавилонский Аралу и египетский и греческий Гадес. Приведенный ниже отрывок из собрания армянского фольклора, проясняет связь солнца с Гадесом и с подземным океаном: «И на западе солнце – доля мертвых. Оно входит в море и, проходя под землей, появляется утром с другой стороны».

Средневековые авторы рассказывают о конях, запряженных в солнечную колесницу; об этом было известно и персам, и грекам. Четыре коня зовутся Еник, Меник, Беник и Сеник, и имена их звучат как выдуманные или магические. Солнце изображают на квадриге, в которую запряжена эта четверка. Смещение научных идей того времени с мифическими образами прослеживается в словах: «Солнце состоит из огня, соли и железа, света, рождающегося молнией и огня, обретшего собственные очертания – или, с небольшой поправкой, огня, изображенного в виде его коней. У солнца – двенадцать окон с двойными ставнями, одиннадцать из которых смотрят вверх, а одно – на землю. Думаете, вы знаете, каков облик солнца? Оно подобно мужчине, лишенному рассудка и речи и стоящему меж двух коней. Если бы его глаз (его подлинная сущность) не лежал на блюде, мир бы вспыхнул перед его взором, как гряда шерсти». Читатель непременно распознает в «окнах солнца» отдаленный отголосок древнегреческой философии.

Обычно в современных мифах солнце представляют молодым мужчиной, а луну – молодой девушкой. Но с другой стороны, германская идея о солнце женского рода и о луне – мужского не совсем чужда и армянам. Они – брат и сестра, а иногда пылкие любовники, пребывающие в утомительных поисках друг друга по нехоженным небесным путям. В таких рассказах молодой человек – луна томится по деве-солнцу. Стыдливость очень характерна для двух светил в облике прекрасных юных созданий. Поэтому солнце бросает огненные иглы в незащищенные глаза тех, кто осмелился созерцать его лицо, а луна прячется за семислойной вуалью из облаков. Эти поэтические мифы вряд ли можно признать древними.

Древние армяне, подобно латинянам, называли луну двумя разными именами. Одно из них было *Lusin* (Лусин), явное соответствие *Luna* (изначально *Lusna* или *Lucina*), а другое – *Ami(n)s* (Амис), которое сейчас, как и латинское *mens*, значит «месяц». Несомненно, именем Лусин звалась луна, как богиня женского пола, в то же время Амис соответствовал фригийскому *тёп* или *Lunus*.

Тот же самый средневековый, якобы опирающийся на науку автор, которому принадлежит приведенное выше полумифологическое описание солнца, дает такой портрет луны: «Луна была создана из пяти частей, три из которых – свет, четвертая – огонь, а пятая – движение... Она подобна облаку, густому светящемуся воздуху, с двенадцатью окнами, шесть из которых устремлены в небеса и шесть – к земле. Каков облик луны? Она как две морские коровы. Свет проникает в пасть одной и исчезает в пасти другой коровы. Ведь лунный свет – свет, идущий от солнца». Здесь морские коровы служат туманным и несколько запутанным напоминанием о «первозданной корове», которая ассоциировалась с луной, вне сомнения, благодаря особой форме полумесяца. Следует добавить, что армяне говорили о ежемесячном

возрождении луны, хотя мифов, касающихся этого, немного.

Фрагменты вавилонского учения о звездах проникли в Армению, возможно, благодаря мидийским магам. Заметна планетарная основа пантеона. Однако в более поздние времена некоторые планеты приобрели плохую репутацию. Анания Ширакаци (VII в.) рассказывает, что язычники считали Юпитер и Венеру добрыми, Сатурн и Марс злыми, а Меркурий был по своей природе нейтральным.

Звезды и планеты и особенно знаки зодиака тесно связывались с судьбой человека и оказывали на нее решающее влияние. Согласно Езнику, армяне верили, что они священны и определяют рождение и смерть. Успехи и неудачи зависели от нахождения определенных звезд в определенных знаках зодиака. Поэтому они говорили: «Когда восходит Сатурн, умирает царь; когда на небе властвует Лев, царь рождается. Когда господствует Телец, рождается могущественный и добрый человек. Под властью Овна рождается богач, «потому что у баранов густая шерсть». Со Скорпионом в мир приходит злой и безнравственный человек. Кто бы ни родился, когда Айк (Марс?) господствует на небе, он умирает от железа, то есть от меча». Многие из этого учения о звездах все еще общеупотребительно среди мусульман, но в более законченной форме.

Езник снова и снова упоминает о популярной вере в то, что звезды, созвездия и зодиакальные знаки, которые носят названия животных, как, например, Сириус (пес), Арктур (медведь), изначально и были животными с такими же названиями, но однажды они вознеслись на небеса.

Кое-что о вере армян в то, что зодиакальные знаки влияют на погоду и урожай, донес до нас Аль-Бируни: «Я слышал, как многие образованные армяне рассказывают, что утром в День лис на высочайшей горе, между внутренней страны и землями, что лежат за ее пределами, появляется белый баран (Овен?), которого нельзя больше увидеть ни в какое другое время года, а только в это время и только в этот день. Жители страны полагают, что год будет благоприятным, если баран блеет, и не стоит ждать урожая, если он не блеет».

Рельеф (найден в окрестностях Эзинджана)

Огонь

Култ огня существовал у армян как освященная веками ценность задолго до их знакомства с зороастризмом. Он уходит своими корнями в такое глубокое прошлое, что христианские авторы, не колеблясь, называют армян-язычников огнепоклонниками; они также применяют это слово по отношению к персам, но с меньшей уверенностью. Мы знаем, что древнее слово «Agni» было известно армянам как «Ваагн», а их представления о боге огня были близки Ригведе. Для них огонь – сущность солнца и молнии. Огонь давал тепло и свет. Как и у солнца, у дающего свет огня была «мать», наиболее вероятно, рожденный и выросший в воде стебель или дерево, из которого добыли огонь трением или как-то иначе. К этой «матери» возвращался потухший огонь. Даже сегодня погасить свечу или огонь – дело не простое, а требующее почтения и уважения. Огонь нельзя осквернять присутствием мертвого и человеческим дыханием, нельзя в него плевать или сжигать в нем такие нечистые вещи, как волосы и срезанные ногти. Оскверненный огонь должен быть отвергнут, а на его месте – зажжен чистый, обычно от кремня. Все это может иметь отношение к зороастризму, но находится в совершенном согласии с более древними собственными представлениями.

Люди клянутся огнем домашнего очага также, как солнцем. Огонь был и все еще остается мощнейшим средством изгнания злых духов. Восточный армянин, желающий искупаться ночью, отпугивает злых обитателей озера или пруда, бросая в него огненную головню, а у человека, изнуренного упрямым демоном, нет более сильного средства избавления от него, чем высеченный из кремня огонь. Благодаря своим искрам, наряду с железом огонь стал важным оружием против сил тьмы. Не только злые духи, но и болезни, часто приписываемые демоническому влиянию, не выносят огня и должны улетучиваться при появлении этого могучего божества. В армянском языке существует два слова, обозначающие огонь. Одно из них – *hur*, родственное греческому *trop*, и *krak*, возможно произошедшее, как и другое армянское слово *jrag*, «свеча», «свет», от персидского *siṛag* (также *siṛah*, *saṛag*). Слово *hur* было более распространено среди древних армян, но и *krak* известно со времен появления армянской литературы. Если Ваагн – божество бесспорно мужское, то огонь – божество женское, как Гестия или Веста. Известна и скифская богиня огня, которую Геродот также называет Гестия. Напротив, ведический Агни и авестийский Atar были мужского пола.

Култ огня имел два аспекта. Вначале был култ домашнего очага. Он близко ассоциировался с духами предков, которые собирались вокруг центра и символа дома и семьи. Именно край земляного осевшего очага должна была с почтением поцеловать невеста, впервые переступившая вместе с женихом порог своего нового дома. Именно очаг они трижды обходили кругом с уважением и благоговением. Головню от этого огня брал с собой любой из членов семьи, который уходил, чтобы зажечь собственным домом. Абемян, из чьей великолепной работы по распространенным верованиям армян мы отобрали кое-какие из приведенных здесь материалов, рассказывает, что в некоторых деревнях был их общинный очаг, заложенный основателем деревни, к которому все испытывали глубочайшее уважение, и часто, в случаях женитьбы или крещения, это место заменяло

церковь, если ни одной не было поблизости. Этнологи, утверждающие, что развитие семейных отношений началось позже, чем развитие общинных, признают первостепенную важность общинного очага.

Явным пережитком культа домашнего очага и предков являются особые церемонии, подобные очищению дома, когда зажигают свечи и курят благовония. Этот ритуал происходит повсюду по субботам.

Второй аспект культа огня в Армении – общенародный. Верно, что персидские атрушаны (храмы огня) или капища не пользовались особой благосклонностью ни в языческой, ни в христианской Армении и что огонь, как таковой, не занял места в ряду главных божеств. Тем не менее, изначально связанное с язычеством или нет, существовало общенародное поклонение огню. Оно восходит к персидскому *frobag* или *farnbag* (*арм. hurbak*), огню, и имеется ряд упоминаний о персидском или персианизированном алтаре огня в Багаване, городе богов. Более того, почти нет сомнения, что армяне наравне с персами отправляли обряды семи известным источникам огня в Баку, в их древней провинции Пайтакаран. Но в целом культ огня у армян носил национальный характер.

Приведенные ниже свидетельства могут прояснить некоторые стороны этого широко распространенного национального культа, уходящего корнями в глубокое прошлое.

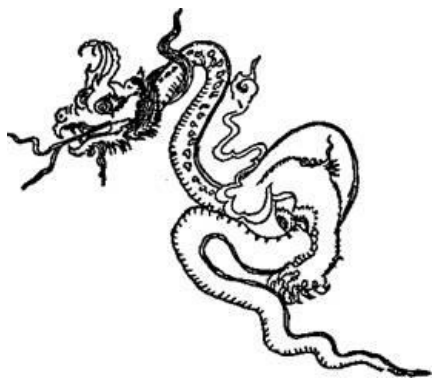
В агиографии *Coming of the Phipsimean Virgins* («Житие Святой Девы Рипсимэ»), ошибочно приписываемой Мовсесу Хоренаци, мы читаем, что на вершине горы Палат (?) был дом Араматца и Астхик (Венеры), а на горе пониже, к юго-востоку, находился «дом огня, неутолимого огня, бога вечного пламени». Кроме того, у подножия горы бил могучий источник. Место это называлось Бут. «Они зажгли Сестру Огонь у Брата Источника».

В другом месте читаем, в подобной же манере: «Потому что они называли огонь сестрой, а источник – братом, они не выбрасывали золу, а осушали ее слезами брата».

Лазарь Парпеци, писатель V века, говорит о яростном нападении армянских христиан на священный огонь, культ которого персы стремились насадить в Армении: «Они забрали огонь и отнесли его и опустили в воду, в глубины брата, как гласит поговорка их лживых учителей, персов». Последняя часть этого утверждения, однако, ошибочна. Насколько нам известно, персы не бросали священный огонь в воду, а собирали золу в кучи в пределах капища, внутри которого и горел огонь. Когда плавающий остров (морское чудовище), сидя верхом на котором Керсаспа случайно зажег огонь, затонул и огонь упал в воду, это засчиталось богатырью как великий грех. Ритуал был исконно армянский. Видимо, часть армянского культа Сестры Огонь – потушить его в глубинах любящего брата, воды, ритуал, истоки которого кроются в мифе о природе, подобно родству молнии и дождя или рождению огня из стебля в священном море. Каким бы ни был истинный смысл этого действия, зола от священного огня становилась частью воды, наделяла ее целебной силой. Даже сегодня в Армении, например в городах Акн и Диарбекир, больным дают пить сильнодействующее лекарство, в состав которого входит хлопьевидный пепел от дубового костра, смешанный с

водой. Каланд описывает такой же обычай у древних латышей в своей статье о смерти и дохристианских погребальных ритуалах балтийских народов. Поскольку в Европе дуб – священное дерево бога небес и бури, можно легко понять, что лежит в основе древнего обычая.

Но не совсем понятно, проводились ли у армян (как и у многих западных народов) какие-то празднества, посвященные огню. Однако сохранился праздник, несомненно посвященный огню, который изначально был направлен на то, чтобы повлиять на бога дождя, – это ежегодное разжигание костров повсюду в день Сретения Господня или Введения Пресвятой Богородицы во Храм, 13 февраля, во дворах церквей. Разжигают костры обычно стеблями, соломой и чертополохом, взяв огонь от свечи, горящей на алтаре. Костры обычно появляются и на улицах, и во дворах домов, и на плоских крышах. Люди предсказывают, каким будет урожай, судя по направлению пламени и дыма. Они прыгают через костры (обряд очищения?) и ходят вокруг них. Иногда можно услышать музыку и увидеть танцующих. Золу часто относят на поля, чтобы обеспечить их плодородие. Не совсем случайно, что праздник этот происходит в месяце Мегеки (посвященном Михру), поскольку армянский Митра определенно стал богом огня. Другой подобный праздник, который отмечается только в отдельных местностях, будет упомянут в следующей главе.

Фигура, напоминающая дракона

Вода

Если у огня была женская сущность, то у воды – мужская. Как мы уже упоминали, они очень близко связаны друг с другом и ассоциируются с братом и сестрой в армянском культе огня. Вероятно, мысль о родстве была навеяна деревьями, роскошно зеленеющими по берегам рек и озер. Как нам известно, камыши росли даже в священном море.

Многие реки и источники были священны и наделены благотворной силой. Как утверждает Тацит, армяне приносили в жертву Евфрату лошадей и прорицали по его волнам и пене. Истоки Тигра и Евфрата были и остаются местами поклонения. Вокруг реки Араке и ее притоков строились священные города. Даже в наши дни существует множество источников, обладающих целебной силой, и они обычно называются «источниками света», а люди испытывают благоговение перед водой, боясь загрязнить ее. До сих пор они пьют из этих источников, и зажигают свечи, и курят перед ними благоговия, потому что теперь им покровительствуют христианские святые.

Преображение Господне, которое отмечается в июне, связывалось армянской церковью с древним празднеством, посвященным воде. Люди обливали друг друга, и по ритуалам дня Преображения прихожан во время крестного хода окропляли розовой водой. Церкви богато украшались розами, и праздник стал широко известен как Vartavar (Вардавар), «пылающий от роз».

Также рассказывается, что в разных уголках Армении ему предшествовала ночь костров. Поэтому он неразрывно связан с европейской традицией середины лета жечь костры в дни святого Иоанна, святого Петра и т. д., а розам отводится в нем заметная роль. Армянское название «пылающий от роз» содержит намек на огонь, изначально являвшийся неотъемлемой частью праздника, и даже на то, что в пламени сжигали цветы или по крайней мере бросали через него, как в Европе. Там празднество воды в середине лета отмечали купаниями и посещением священных источников. В Германии в некоторых местностях поджигали и гасили в реке соломенные колеса, а в Марселе люди обливали друг друга водой. Почти нет сомнений в том, что вода использовалась в разных целях: как средство очищения от вины и болезни и, главным образом, в магических ритуалах призывания дождя. Фрезер значительно усложнил создание единой и логически последовательной картины этих празднеств. Его «Золотая ветвь» – нагромождение огромного количества различных материалов по этой теме, и разобраться в них не так просто.

Обычай поливать друг друга водой существовал и у персов во время новогодних торжеств, как утверждает Аль-Бируни. Поскольку персидский Новый год наступает весной, празднования, бесспорно, имели своей целью проведение магических обрядов, чтобы призвать обильные дожди. На самом деле даже в настоящее время в некоторых районах Армении сохранился обычай окроплять водой земледельцев, которые возвращаются домой после первого трудового дня. Можно смело предположить, что в древние времена в Армении вместе с Навасардом начали устраивать и ежегодное празднество

воды. В ряде мест, например в районе Ширака, в Вардавар выпускают голубей, но имеет ли этот обычай какое-то отношение к древнему празднику в честь Астхик, сказать трудно. Вполне вероятно, что и в Европе, и в древней Армении неотъемлемой частью празднований середины лета были занятия любовью и другие весьма безнравственные и предосудительные ритуалы.

Крупным центром торжеств в армянский Навасард и Вардавар был Багаван. Возможно, из-за того, что празднества эти схожи по характеру. Тот факт, что Багаван являлся также центром огнепоклонничества, лишний раз подчеркивает близкую взаимосвязь двух элементов – воды и огня, о которой мы уже упоминали выше.

Деревья, другие растения и горы

Существуют древние свидетельства поклонения деревьям и другим растениям в Армении. Сначала это был тополь (sausi), по которому прорицали легендарные saus (само это слово образовано от названия священного дерева). Затем – цветы, которые назывались Haurut и Maurut (Hyacinthus racemosus Dodonei). Скорее всего, их названия являются отголоском иранских Haurvatat и Ameretat («здоровье» и «бессмертие»), двух Амеша-Спент, которые были также духами растений и воды. Дуб и другие деревья все еще являются священными, особенно те, что растут у источников. Можно увидеть свисающие с их ветвей обрывки одежды, принадлежавшей людям, которые желали исцелиться от каких-то болезней. Этот ритуал часто объясняется заменой части на целое, и он очень распространен у семитов вообще и у мусульман в частности.

Многие горы были священными, в то время как другие, возможно священные когда-то в более древние времена, стали местом постройки известных храмов. Высокий Масис (Арапат) назывался Azat (Yazata?), «освященный веками». Здесь обитали драконы и эльфы, но главная причина, по которой он считался священным, заключена в его впечатляющем величии, вулканическом характере или даже в его связи с божеством, подобным фригийско-армянскому Марсию-Масису. Этот фригийский бог знаменит своим мастерством в игре на флейте, но особенно – широко известной заинтересованностью в реках. Он был сыном Гиagniда, вероятно бога грозы, и, подобно норвежскому Агне, был подвешен на дереве Аполлоном, который живьем содрал с него кожу (Апулей). Марсий был во многом похож на Гиagniда, а последний был не кем иным, как фригийским Ваагном.

Гора Нпат ((Νιφάτης у Страбона), исток могучего Тигра, приравнивалась к божеству, потому что ей был посвящен двадцать шестой день каждого армянского месяца. Есть мнение, что Нпат считалась зороастрийцами местом обитания Апам-Напат, важного индоиранского водного божества.

На горе Пашат (или Палат) был храм Арамазда и Астхик и центр огнепоклонничества. Еще одна гора в Софене носила название Трон Анаит.

Можно с уверенностью предположить, что армяне мыслили анимистически и видели в объектах природы, которым поклонялись, богов или духов. В христианские времена люди присвоили им имена и характер святых.

Утрата древних песен Армении вызывает особое сожаление, потому что они имели самое прямое отношение к исконно национальным богам и героям. Первые авторы армянской истории, не имевшие доступа к древним ассирийским, греческим и латинским произведениям, черпали свои материалы именно из этого источника. Однако древние легенды претерпевали изменения, им придавался желательный тон в соответствии с эвгемеристическими взглядами, и они адаптировались к библейским историям и греческим хроникам, особенно к тем, автором которых был Евсевий Кесарийский. Вполне возможно, что изменения начались еще в языческие времена, когда иранские и семитские боги стали завоевывать Армению.

Айк

Без сомнения, в эпических песнях прежде всего упоминался Айк. Это был красавец-исполин, великолепно сложенный, с кудрявыми волосами, ясными улыбающимися глазами, обладающий недюжинной силой и готовый пустить ее в ход, чтобы стряхнуть лишние амбиции и с божества, и с человека, ставшего чересчур высокомерным и возмечтавшего об абсолютном господстве. Его постоянными спутниками были лук и трехгранная стрела. Дороже всего Айк ценил независимость. Именно он, подобно Моисею, увел свой народ от тирании Бела (Нимрода) с равнин Сеннаара в холодные, но свободные горы Армении, покорив местное население. Поначалу Бел забрасывал его посланиями, убеждая вернуться, и обещал радужное будущее. Но герой был неизменно горд и непокорен. Раньше, чем ожидалось, Кадм, внук Айка, принес весть о вторжении в Армению неисчислимой армии Бела. Айк со своим небольшим, но храбрым войском отправился на юг, чтобы встретить тирана на берегу моря (озера Ван), «чьи соленые воды изобилуют небольшими рыбешками». Здесь и началась битва. Айк выстроил своих воинов треугольником на плато среди гор при огромном количестве захватчиков. Первый же удар был так страшен и погубило так много людей, что Бел, придя в замешательство и испугавшись, начал отступать. Но метко пущенная в цель трехгранная стрела Айка, пронзив его грудь, прошла насквозь так, что ее наконечник торчал из спины поверженного врага. Гибель военачальника стала для могущественной вавилонской армии сигналом к рассредоточению.

Айк – герой-эпоним армянского народа. Его имя созвучно самоназванию армян – Нау. От этого же слова происходит и название их страны Hayastan или царство (Ashkharh = *уран*. Khshathra) армян (Hays). Прилагательные, образованные от Наук, описывают и исполинскую силу, и великую красоту. Григор Нарекаци называет даже красоту Святой Девы «подобной красоте Айка»! Слово «Наук» само по себе часто употреблялось в смысле «великан», «исполин».

Некоторые пытались интерпретировать эту легенду с астрономической точки зрения. Подчеркивая тот факт, что Айк – это также армянское название созвездия Ориона, они утверждали, что расположение армии Айка в виде треугольника отражает треугольник, который звезда Адахер в Орионе образует с обоими Сириусами. Однако любая попытка установить параллель между великаном Орионом и Айком обречена на неудачу, так как помимо отдельных деталей или самого общего сходства этих двух героев ничего не объединяет. Айк, вероятно, также является более древним армянским названием зодиакального знака Весов и планеты Марс, а цикл Сириуса называется циклом Айка.

Наилучшее объяснение истории Айка и значения его имени заключается в предполагаемой тождественности Наук (Hayik, «маленький Нау», как и Armenak – «маленький Armenius») с фригийским богом неба Гиасом, которого греки называли ὕψς. И грекам, и ассирийцам он знаком как независимое фракийско-фригийское божество. Ассирийцы называют его божеством племени мосхов. В тот период, когда все фракийское и фригийское подвергалось ассимиляции или предавалось забвению, Дионис с

триумфом ступил на фракийско-фригийские земли, а Гиас из племенного божества превратился лишь в эпитет этого бога растительности и вина. Для нас же Гиас – не кто иной, как ведийский и авестийский Ваю. Поэтому в легенде об Айке, возможно, воплощена история битвы между индоевропейским богом погоды и месопотамским Белом. Намного более естественно образовать название национальности, Нау, от имени национального божества по широко известной аналогии с Assur (ассирийцы) и Khaldi (халдеи), чем интерпретировать его как pati, «главный».

Арменак

По словам Мовсеса Хоренаци, Арменак – имя сына Айка. Он избрал своим домом гору Арагац (ныне Алагез) и прилегающую к ней местность.

Несомненно, он является еще одним героем-эпонимом армянского народа. Армениус, отец Эра, упомянутый Платоном в «Республике», и есть не кто иной, как Арменак, который, согласно Мовсесу Хоренаци и так называемым фрагментам из Себеоса, является прадедом Ара (Эра). Последний слог – уменьшительный суффикс, так же как «к» в имени Наук. В известной легенде, которая практически полностью посвящена Айку, Арменак, кажется, почти забыт. Вполне допустимо, что Арменак – то же, что германский Ирмин и ведический Арьяман, значит, первоначально, имя бога неба. Многие подвиги, приписываемые Араму, отцу Ара, могут на деле по праву принадлежать Арменаку.

Шара

Говорят, что Шара – сын Армаиса. Поскольку он был необычайно жадным, его отец отдал ему на разграбление богатые земли Ширака. Он также прославился своим многочисленным потомством. Старинная армянская пословица, которая употребляется по отношению к обжорам, гласит: «Если у тебя горло как у Шара, то у нас – не хлебородный Ширак». Кое-кто может заподозрить, что за этим древним образом скрывается огр. Во всяком случае, его имя должно быть родственно с арабским словом Sharah, что означает «ненасытность», «обжорство».

Арам

Арам – сын Арма, кажется двойником Арменака, хотя многие ученые отождествляли его с Араме, первым правителем Урарту, и с Арамом, героем-эпонимом арамейского региона. В армянской народной традиции он стал победителем Баршама, «которого сирийцы обожествили за его подвиги», Ньюкара Мадеса (Ньюкара Мидийского) и Пайаписа Кахьи, титана, правившего территорией, простиравшейся от Понта Эквсинского до океана (Средиземного моря). Одержав эту последнюю победу, Арам стал властителем Понта и Каппадокии, где принялся насаждать армянский язык местному населению.

В этом скудном и запутанном рассказе, возможно, говорится об армянском боге Араме или Армении (Армениусе) и его войне против сирийского бога Баал-Шамина, некоего мидийского бога или героя Ньюкара и западного титана по имени Пай апис Кахья, которое, несомненно, является искаженной формой имени урартского божества Халди с фригийским (?) эпитетом Папайос. Легенда о Понтийской войне возникла, скорее всего, из-за желания объяснить проникновение армян в Малую Азию либо является далеким искаженным эхом фригийско-армянской борьбы против Хеттского царства в Малой Азии.

Ара Прекрасный

Образ Ара имеет под собой прочную мифологическую основу. К несчастью, этот интересный герой, так же как Айк и Арам, очень сильно пострадал от рук наших древних ученых, стремившихся эллинизировать мифы. Вот современная версия мифа, якобы классический оригинал. Когда Нин, царь Ассирии, умер или скрылся на Крите от своей порочной и сластолюбивой царицы Семирамиды, она, наслышанная о мужской красоте Ара, предложила ему жениться на ней или стать ее любовником. Но Ара с презрением отверг ее домогательства ради своей любимой жены Нварт. Придя в ярость от такого неожиданного и категорического отказа, импульсивная Семирамида выступила против Ара с большим войском, не столько ради того, чтобы наказать его за упорство, сколько ради того, чтобы пленить его живым. Армия Ара была разбита наголову, а он сам погиб в кровавой схватке. На исходе дня его безжизненное тело нашли среди убитых, и Семирамида перенесла его в верхнюю комнату дворца, надеясь, что ее боги (псоглавые духи Аралезы) вернут его к жизни, зализав раны. Хотя, согласно логическим и разумным объяснениям Мовсеса Хоренаци, Ара не воскресал из мертвых, обстоятельство, о которых он упоминает, не оставляет никаких сомнений в том, что в оригинальном мифе он вернулся к жизни и продолжил мирно управлять армянским народом. И как пишет автор, когда тело Ара начало разлагаться, Семирамида одела одного из своих любовников, как Ара, и притворилась, что боги исполнили ее желание. Также она воздвигла этим богам статую в благодарность за благосклонность и успокоила армян, убедив их, что Ара жив.

Еще одна версия истории Ара изложена в конце «Республики» Платона. В ней он рассказывает о том, что некий памфилийский герой по имени Эр, сын Арминия, «погиб в сражении, а когда на десятый день после него с поля уносили трупы, уже неузнаваемые, был поднят и принесен домой, и перед тем, как его уже готовились сжечь на погребальном костре, ожил и, ожив, поведал о том, что видел до своего воскресения». Пространное эсхатологическое рассуждение, которое следует за этим, скорее всего, имеет фракийскую или фригийскую основу, так как эти народы особенно прославились своими раздумьями о будущей жизни.

Памфилийское происхождение Эра, как и армянская версия той же самой истории, вместе взятые, позволяют говорить о том, что миф скорее армянский (или фригийский), чем памфилийский, хотя по какой-то странной случайности он попал в Грецию из памфилийского источника. Семирамида – популярное или научное дополнение к мифу. Но разумно предположить, что битва представлена в оригинале так, будто причиной ее была обманутая женщина или богиня. Существенно важный элемент, донесенный до нас Платоном, – рассказ о жизни после смерти. Армянская версия сильно напоминает ту часть эпоса о Гильгамеше, в которой Иштар появляется в кедровнике, охраняемом Хумбабой, чтобы соблазнить Гильгамеша, героя или полубога, обладающего чертами бога солнца, в роли Таммуза. Нам известно, как Гильгамеш отверг ее заигрывания. Эабани, друг Гильгамеша, кажется, первый (первозданный) человек, повернувшийся лицом к цивилизации благодаря женской любви. Он принимает участие в похождениях Гильгамеша и сражается с ним против Иштар, а священный

бык послан Ану, чтобы отомстить за оскорбленную богиню. Видимо, раненный в этой битве Эабани умирает. Вслед за этим Гильгамеш отправляется в мир мертвых в поисках цветка жизни. По возвращении он встречается с Эабани, пришедшим сообщить ему о том состоянии, в котором пребывают усопшие, и о том, с какой заботой и вниманием они должны быть похоронены, чтобы жизнь их в Аралу (Гадесе) стала хотя бы выносимой.

Вероятно, история Ара восходит к этому вавилонскому эпосу, но в ней два героя, Гильгамеш и Эабани, сливаются воедино. Сейс предполагает, что Ара может быть Эри из биайнских надписей и, скорее всего, богом солнца.

Тигран, борец с драконами

Эту историю следует также трактовать с мифологической точки зрения, хотя она связана с двумя историческими личностями. Легенда о драконе не содержит ни малейшего намека на исторический факт, но явно была адаптирована к истории об Астиаге (Иштувегу), изложенной в первой книге «Истории» Геродота. Для краткости не будем анализировать ее в деталях, так как об основных моментах мы еще поговорим в главе о драконах. Более поздние армянские авторы, очевидно не без определенного энтузиазма, стали оперировать тем фактом, что Azdahak, «дракон», было также именем знаменитого мидийского царя во времена Кира Великого.

Бронзовые фигуры (найлены в Ване; обычно трактуются как Семирамида в облике голубки или, возможно, богиня Шариз, урартская Иштар).

Легенда такова. Тигран (древнее иранское имя вавилонского Набу, происходит от Tigrish, «стрела»), царь Армении, был другом Кира Великого. Его непосредственный сосед на востоке, Аждаак Мидийский, очень боялся этих молодых правителей. Однажды ночью, во сне, он увидел себя на незнакомой земле рядом с величественной, покрытой льдом горной вершиной (Масис). Высокая светловолосая женщина с румянцем на щеках, одетая в пурпур и укутанная лазурным покрывалом, сидела на самом вершине, мучаясь в родах. И вдруг она родила троих взрослых сыновей, один из которых, взнуздав льва, умчался на запад. Второй сел на зебру и отправился на север. А третий, на драконе, выступил против Аждаака Мидийского и стремительно атаковал идолов, которым старый царь (мечтатель по натуре) приносил жертвы и воскуривал благовония. Между армянским витязем и Астиагом произошла кровавая битва на копьях, которая завершилась поражением Аждаака. Утром, предупрежденный своими магами о неминуемой опасности со стороны Тиграна, Аждаак решил жениться на сестре Тиграна, Тигрануи, чтобы использовать как оружие в борьбе с ее братом. Его план был успешным, пока он не открыл свои намерения Тигрануи. Встревоженная, она сразу же предупредила брата. Вслед за этим неукротимый Тигран вызвал Аждаака на поединок, в котором он и вонзил свое трехгранное копье в грудь тирана и вырвал им часть его легких. А

Тигрануи удалось прийти к брату еще до того, как началась битва. После этой знаменательной победы Тигран принудил семью Аждаака переехать в Армению и поселиться у Масиса. Неисправимый рационалист утверждает, что это дети дракона, о которых древние песни ведут свой чудесный сказ, а Ануш, мать драконов, не кто иная, как первая царица Аждаака.

В армянской мифологии мир духов и монстров изобилует и национальными, и иностранными элементами. Большинство названий имеют персидское происхождение, хотя мы не знаем, сколько знаний в этой области пришло прямо из Ирана. Можно смело утверждать, что большинство этих сверхъестественных созданий носят общеиндоевропейский, даже скорее всеобщий характер. Так, любая попытка объяснить их природу в масштабах какой-то одной местности будит туманные воспоминания о древних монстрах или о завоеванных и истребленных народах и, в конечном счете, оказывается тщетной. Одной из отличительных черт этой крайне важной и бессмертной отрасли мифологии является мировое единообразие ее основных элементов. Названия, места, формы, сочетания могут приходить и уходить, но поверья, которые лежат в основе различных историй, остаются неизменными. Здесь мифология и фольклор идут рука об руку.

Главными действующими лицами в этом низшем, но имеющем очень глубокие корни слое религии и мифологии являются змеи и драконы, добрые и злые духи и феи, также в их число следует включить классических нимф, эльфов и германских гномов; славянских вил, исламских джинов и дэвов и т. д.

Касаясь этой неразвитой стадии сравнительного фольклора, было бы опрометчиво устанавливать общее происхождение для всех этих многообразных существ. Хотя во всем мире в их деяниях и характеристиках проявляется много заслуживающих внимания взаимосвязей и похожих черт.

Не принимая во внимание сложный вопрос о том, предшествует ли культ змей всем остальным религиям и мифологии и лежит ли в их основе, мы накопили достаточно древних и современных свидетельств распространенному по всему свету поверью о тесной связи змей с духами. Духи, души предков обычно появляются в облике змея. Они живут в своих старых домах и защищают их. И змей, и дух предка заинтересованы в плодovitости рода и плодородии полей. Они обладают исключительной мудростью, исцеляющей силой, дарят богатство и т. д. Они делают добро тем, кого любят, зло – тем, кого ненавидят. К тому же змеи и драконы часто являют собой физическое воплощение других духов, поэтому во все времена и во всех частях света существует огромное количество сказов о змеях, подобных историям о матери-змее скифского народа и Мелюзине, имеющей облик змеи, жене графа Раймона Пуатье (Лусиньяна). Более того, духи, особенно злые, имеют большое сходство с демонами. Как и демоны, они изнуряют людей болезнями и другими несчастьями. В действительности, по мнению многих людей, они полностью переходят в разряд демонов.

Помня о том, что какими бы глубокими ни были наши знания и как бы далеко они ни простирались, и о том, что народы мира четко обозначили различия между этими существами, порожденными их суеверным воображением, давайте выйдем за пределы приписываемых большинству из них деяний и характерных особенностей. Это послужит нам вполне подходящим вступлением к изложению материала, касающегося древней Армении.

Все они являются в дома как защитники добра или гонители зла; живут в руинах не потому, что это руины, а потому, что это места древних построек;

имеют пристрастие обитать в труднодоступных горах, пещерах, ущельях, лесах, каменистых местностях; живут и свободно скитаются по водоемам, таким как ручьи, родники, реки, озера, моря; владеют подземными дворцами, царствами и садами и хранят тайники с сокровищами; хотя они обычно воплощаются в змей, они питают явную склонность к человеческому облику и часто появляются именно в нем. У них проявляются человеческие привычки, потребности, склонности, страсти и формы организации. Таким образом, они рождаются,

взрослеют и умирают (во всяком случае, от насильственной смерти). Они испытывают голод и жажду, их объединяет слабость к молоку; они часто крадут зерно и охотятся. Они любят и ненавидят, женятся и отступаются от брака. В этой связи они часто предпочитают прекрасных сыновей и дочерей, рожденных человеком (особенно если это благородные дамы), с которыми они живут в этом мире или уносят в свои подземные жилища. Результатом этих союзов часто – но не всегда – становится таинственный, выдающийся, а иногда очень злобный потомок. Они крадут человеческих детей, оставляя вместо них подменшей. Они обычно (но не всегда) появляются около полуночи и исчезают перед рассветом, о котором возвещает петушинный крик. Они вызывают у человека безумие, вселяясь в его тело. Для них невыносимы кремень, железо, огонь и молния и иногда вода. Они хранят ключ к магическим знаниям, а обо всем на свете осведомлены превосходно, но не без доли странного легковерия. Они могут требовать поклонения и, часто, жертвоприношений, как животных, так и человеческих.

Хотя эти существа могут быть классифицированы как телесные и бестелесные и даже один и тот же вид, по крайней мере в некоторых странах, может иметь и телесную, и бестелесную разновидность, верно утверждение самой их материальности, как обычно неуловимой, воздушной, и о том, что физический аспект их явно доминирует. Это правдиво даже по отношению к змею и к дракону. И наконец, так или иначе, все эти таинственные или чудовищные создания связаны с хтоническими силами.

Благодаря таким общим характеристикам, пронизывающим весь материал, трудно подвергнуть четкой классификации факты, касающиеся армянских мифов.

Шаапет, дух - страж местности

Шаапет (*иранский* Khshathrapati, Shoithrapai-ti, властитель полей или земель) – не что иное, как широко известный змей-дух (гений) местоположений, таких как поля, леса, горы, дома и особенно кладбища. Он появляется и как человек, и как змей. В связи с жилищем армянский шаапет был, возможно, неким духом предка, который обычно появлялся в виде змея. У него был добрый нрав, за исключением случаев, когда его сердили. В соответствии с армянским переводом из Иоанна Златоуста, шаапеты были даже у виноградников и у оливковых деревьев. У Агафангела сам Христос назван шаапетом кладбищ, очевидно чтобы опровергнуть непоколебимую веру в змея-хранителя места упокоения мертвых. Нам известно, что в эллинистических странах на могильных плитах когда-то изображались змеи. Мы не располагаем авторитетными свидетельствами, которые касаются шаапета домов, но современный армянский фольклор, и особенно искаженные формы Шваз и Швод, указывают на то, что древний шаапет в Армении был и хранителем полей, и хранителем домов. Шваз сторожит сельскохозяйственные угодья и является людям один раз в год, весной. Швод – страж дома. Даже сегодня люди пугают расшалившихся детей его именем. Но их идентичность была установлена благодаря очень известной церемонии, отдаленно напоминающей патерналию (paternalia), древнеримское празднество мертвых или духов, которое проводилось с 13 по 21 февраля «из соображений умиротворения духов перед началом сельскохозяйственных работ, ведь силы подземного мира нужны были, чтобы способствовать плодородию». Но армяне не умиротворяли их простым поклонением и жертвоприношениями: они, скорее, заставляли их идти в поля и участвовать в сельскохозяйственных работах. Эта древняя церемония в ее теперешней форме может быть описана следующим образом. В последний день февраля армянские крестьяне, с мешками, в старой одежде, вооруженные палками и т. д., ударяют по стенам домов и амбаров, говоря: «Отсюда со Шводом, а сюда – с мартом!» Накануне ночью на гумне выставляют тарелку с водой, потому что, как нам известно, вода должна помогать уходу духов; та же самая идея лежит в основе погребальных обрядов славян. Поэтому, как только тарелка опрокинута, они крепко запирают двери и крестятся. Очевидно, этот очень древний и своеобразный ритуал нацелен на то, чтобы прогнать домашних духов на поля, а пролившаяся вода – знак их ухода. По описанию в книге Pshrank, Шводов, которые неохотно расстаются со своими зимними удобствами, видели плачущими и вопрошающими: «Что мы сделали, чтобы нас выгнали вот таким образом?» Уходя, они забирают с собой чистые одежды и вскоре возвращают их запачканными, без сомнения, как символ тяжких трудов в полях.

Домашний змей приносит в дом удачу, а иногда и золото. Поэтому к нему нужно относиться по-доброму и с уважением. Если он уйдет рассерженный, в доме начнутся бесконечные несчастья и лишения. Иногда они появляются среди ночи как странники, ищущие гостеприимства, и с ними нужно обращаться тепло и с вниманием, так как иначе они могут уйти в гнев, оставляя после себя лишь горе и неудачи.

Как существовали общинные очаги, так были и змеи, связанные с

определенной местностью. Змей-хранитель четко различал чужаков и ее жителей, нанося вред первым и не нарушая покоя последних.

Поскольку армянские духи мало чем отличаются от других в своей манере действовать, мы отсылаем читателя к их более полному описанию, до мельчайшей подробности данному в книге Абеяна «Armenischer Volksglaube» (главы 2 и 6).

Драконы

Близкое родство дракона со змеем признавали всегда. Обычно они считались не только отчасти похожими по виду, но их также объединяло множество общих мифологических особенностей, таких как драконья кровь, змеев или драконов камень, змеево или драконово яйцо, причем камень и яйцо были талисманами огромной ценности, которые мы встречаем по всему свету и во все времена. Они телесные существа, но в них присутствует определенная доля призрачных и демонических черт. И те и другие могут быть злыми, но в фольклоре и мифологии – редко настолько злыми, как в теологии. Из них дракон – более жестокое и демоническое по натуре существо, особенно в связи с тем, что в своих представлениях люди ассоциировали его со злыми духами. Дракон мог войти в человеческое тело и завладеть им, заставляя жертву свистеть. Но ему были присущи и такие качества, которые искупали все, и поэтому его имя принимали цари, а флаги с его эмблемой развевались над армиями. В очень распространенном иранском поверье дракон не был таким безнадежным нечестивцем, каким он предстает в образе авестийского Ажи Дахаки.

Гора Масис, которую европейцы ошибочно называют Арарат, была главным обиталищем армянского дракона. Вулканический характер этой высокой горы, землетрясения, черный дым и языки пламени во время извержения, возможно, и подсказали ассоциации с этим ужасным монстром. Но гора была священной независимо от драконов и называлась Азат, то есть Yazata (?), «священная».

По-армянски дракон – vishap (вишап), слово персидского происхождения, означающее «с ядовитой слюной». Когда-то это было прилагательное – эпитет Ажи Дахаки, но стало употребляться независимо даже в Иране. В армянских мифах довольно ясно различимы «главный дракон» и все остальные драконы, хотя и связанные друг с другом родственными узами; ибо драконы размножаются, чтобы не иссякало их племя. В древних песнях рассказывается множество чудесных и загадочных историй о драконе и драконовом потомстве, населявшем Масис. Большинство этих сказаний напоминают западные сказки. Некий свирепый дракон унес прекрасную царевну по имени Тигрануи, по-видимому с ее согласия. Ее брат, царь Тигран, легендарный герой, пронзил дракона своим копьём в единственном бою и освободил похищенную девушку.

Царица Сатеник, албанская жена царя Арташеса, прекрасная и непостоянная, была очарована неким Аргаваном, вожаком племени драконов. Аргаван убедил самого Арташеса принять участие в пиршестве, которое устроил в его честь «во дворце драконов», где он предпринял несколько вероломных попыток убить своего царственного гостя. Суть сюжета не изложена, но царю, должно быть, удалось спастись, потому что он остался со своей неверной женой и потом умер естественной смертью.

Дракон (или его потомство) имели обыкновение красть детей и подменять их маленьким злым духом из своего рода, который всегда имел весьма отвратительный характер. Знаменитой жертвой этого жестокого обычая, свойственного драконам и дэвам Армении и их европейской родне, эльфам,

был Артавазд, сын вышеупомянутого Арташеса, друг Ганнибала в изгнании и основатель Арташата. История повествует о том, что Артавазд всю свою недолгую жизнь был точно таким же, как его необычные предки, и, когда он внезапно исчез, упав в пропасть со священного Масиса, все решили, что духи горы или сами драконы подхватили его и унесли с собой.

Более важно, чем все сказания, то, что Ваагн, армянский бог огня (молнии), завоевал эпитет «жнец драконов», сражаясь против них, подобно древнему Индре. Хотя до нас и не дошли детали этих поединков, драконы в них, должно быть, имели общие черты с Вритрой, духом засухи.

В эпических песнях также упоминается Ануш, жена дракона и мать драконовых детей. Она жила в знаменитом ущелье на высочайшей вершине Масиса.

Литературные памятники позволяют нам предполагать, что помимо драконов как таковых существовал и род драгоменов (драконо-людей), рожденных от смешанных браков драконов с женщинами. Но мы не можем быть слишком уверены в этом, хотя не было бы ничего странного, окажись это так, потому что история человеческих верований изобилует «отцами-змеями» знаменитых людей, и характер самого иранского Ажи Дахаки легко подходит под это объяснение. Также и дети дракона, были ли они смешанными созданиями или нет, обитали вблизи Масиса, и их принимали за странных людей, чрезвычайно склонных к колдовству и обладающих в нем большим мастерством.

Хотя это, возможно, и сказано о детях дракона, неоспоримо, что сами драконы были настоящим страхом и ужасом древних армян. Нам известно, что они жили в широком ущелье, образовавшемся после землетрясения со стороны самого высокого склона Масиса. Согласно Мовсесу, Езнику и Ваграму Вардапету, они владели домами и дворцами в высоких горах, в одном из которых, расположенном на Масисе, царь Арташес наслаждался опасным пиршеством, о котором мы уже упоминали.

Драконы были телесными и личностными созданиями, одаренными высоким интеллектом и магической силой. Они славились огромными размерами и ужасным голосом (Егише). Но люди не имели четких представлений об их настоящем облике и не были в них единодушны. Обычно их представляли как громадных змеев и морских монстров, и гигантских зверей, сухопутных и живущих в воде, и образно называли драконами. Нигде не содержится даже намек на то, что у них были крылья, но Езник говорит, что Бог уничтожает дракона, «вознося на небо на так называемых быках», чтобы спасти людей от его ядовитого дыхания. Драконы появлялись в любом обличье, какое выбирали, но предпочитали образы человека или змея, как арабские джинны. Чтобы добыть средства к существованию, они занимались шутловством. Им нравилось высасывать молоко из самых лучших коров. На вьючных животных или в облике мулов и верблюдов они имели обыкновение забирать лучшие дары земли. Поэтому сторожа на гумне, после сбора урожая, часто кричали: «Стойте! Стойте!» («Kal! Kal!») возможно, чтобы заставить их бросить зерно, относясь к ним, как к оберегающим духам. Но они опасались произносить: «Бери! Бери!» («Ag! Ag!»)

Драконы охотились так же, как качи, с которыми нам еще предстоит познакомиться. Иногда видели, как они мчатся в погоне за дичью (Ваграм Вардапет) и в полях расставляют ловушки и сети на птиц. Все это указывает на тот факт, что их образ жизни напоминал то, как жили люди, находясь на примитивной стадии развития. Эта особенность характерна и для западных, особенно кельтских, эльфов.

По-видимому, драконы, как и их бесплотные родственники качи, предъявляли свои права на тех смертных, которые изначально принадлежали к их племени, и брали их под свою защиту.

Так, Артавазда связали и держали как пленника в пещере Масиса из страха, что он вырвется на волю и станет править миром или уничтожит его. Александр Великий, чье происхождение от змея или отца-дракона было любимой темой восточных сочинителей, по мнению средневековых армян, был заключен драконами в бутылку, которую они хранили в своем горном дворце в Риме. Царь Ерванд, чье имя, согласно Алишану, значит «змей», также был пленником драконов, пребывая в воде и тумане. Должно быть, он был подменным или, скорее, рожденным от отца-змея. Именно потому он поклонялся дэвам, а по словам Мовсеса, был сыном царевны от неизвестного отца. Его уродливость и злобность стали притчей во языцех, а под взглядом его дурного глаза рушились скалы.

Подобно большинству народов мира, армяне всегда ассоциировали страшные погодные явления с драконом. Эта связь в их понимании была нерушимой. В довольно любопытном отрывке, в котором Егише (V в.) сравнивает гнев Йезди-герда I с бурей, в самом центре описания – дракон. Нет сомнений в том, что этот дракон был связан с вышеупомянутым проявлением стихии, хотя древних свидетельств по этому вопросу недостаточно. Мнение Езника о вознесении дракона «на так называемых быках» на небо созвучно армянским средневековым рассказам о том, «как уничтожить дракона». Этот процесс всегда сопровождался громом, молнией и сильными ливнями. Ванакан Вардапет говорит: «Они утверждают, что вишاپ уносится. Ветры дуют с разных сторон и встречаются друг с другом. Это смерч. Если они не одолеют друг друга, то закружатся вокруг друг друга и устремятся ввысь. Глупцы, которые это видят, воображают, что видят дракона или нечто подобное». Другой средневековый автор пишет: «Смерч – ветер, устремляющийся вверх. Где бы на земле ни находились бездны и глубокие расселины ледников, ветер врывается в малейшую земную трещину и затем, отыскав выход, вырывается наверх, со страшным шумом превращаясь в плотное облако, выкорчевывая с корнем сосны, вырывая скалы и с грохотом поднимая их ввысь, чтобы снова обрушить на поверхность. Именно это они называли уничтожением дракона».

Был ли дракон всего лишь персонификацией смерча, водного потока и грозовой тучи, вопрос сложный, на который мы не готовы дать утвердительный ответ подобно Абегиану, который разделяет мнение классической школы. Такое простое объяснение пытается охватить сразу слишком много непохожих явлений и не затрагивает такой основополагающий факт, что наивный человеческий разум представляет себе в природе многих духов в действии, но крайне редко персонифицирует саму Природу, если делает это вообще. Для него эти духи реальные,

многочисленны, отчасти обезличены, изменчивы и вездесущи: обитают и на земле, и в небесах, и под землей. В случае с драконом, вызывающим бури, в представлении армян буря – вторична и лишь сопутствует исчезновению дракона, угрожающего уничтожить землю. К тому же первая или по крайней мере наиболее выдающаяся битва произошла между богом грома и молнии и драконом, сдерживающим водные потоки. Это очень важный момент, который никак нельзя упускать из вида.

Надо упомянуть и о поклонении, доставлявшем дракону истинное удовольствие. Езник говорит, что сатана, создав дракона невероятно огромным, заставил людей поклоняться ему. Без сомнения, этот культ, по сути, был схож с почитанием злых духов во многих странах и мало чем отличался от культа змей. Согласно тому же автору, по крайней мере во времена Сасанидов даже зерванисты (маги?) потворствовали трехлетнему циклу поклонения дьяволу по той причине, что он – зло по своей воле, а не по природе, что он может делать добро и даже полностью измениться. Но этот культ не укоренился, не стал обычным и основывался исключительно на чувстве страха. Поскольку черный петух и черная курица – самые приемлемые жертвы злым духам, известные в армянском фольклоре, можно уверенно предположить, что в древние времена они играли определенную роль в обрядах поклонения дракону. Но у нас имеются и более ранние свидетельства о культе дракона в жизнеописаниях святых (история святой Рипсимэ). Автор, после рассказов о культе огня и воды, приведенных ранее, дополняет: «И два дракона, черных и зловещих, устроили себе жилище в пещере скалы, и в жертву им приносили юных дев и невинных юношей. Демоны, довольные этими жертвами и алтарями, священным огнем и источником, устраивали чудесное зрелище, качаясь, подпрыгивая и извергая языки пламени. А широкая долина внизу была заполнена ядовитыми змеями и скорпионами».

И наконец, миф о драконьей крови был также известен армянам. Так называемый договор между Константином и Трдатом, древний, но поддельный документ, гласит, что Константин подарил своему армянскому союзнику копье, наконечник которого окунали в драконью кровь. Царь Аршак, сын Валаршака, также обладал копьем, обмакнутым в кровь «рептилии», и мог протыкать им толстые стены. Такое оружие предназначалось для того, чтобы наносить смертельные раны.

Качи

Качи – звено в естественной цепи между армянским драконом и теперешними армянскими дэвами. В действительности они идентичны широко известным (не теологическим) дэвам. Они – не кто иные, как европейские эльфы, кобольды и т. д.

Их название значит «храбрые»; древний эвфемизм (как современное армянское выражение «наши лучшие» или шотландское «хороший народ») употреблялся применительно к миру духов с целью задобрить властных, безответственных существ, в чьих намерениях никогда нельзя было быть уверенными. Из рассказов об их привычках и деяниях можно ясно себе представить, как люди связывали их с драконами или даже путали с ними. Нашими источниками стали древние и средневековые авторы. В отличие от драконов качи были, несомненно, бестелесные создания, духи, сами по себе добрые, по словам Давида Философа, но Бог часто избирал их для совершения наказаний. Подобно дэвам, они прекрасно сохранились в каменистых местах, с которыми всегда были связаны, а одним из их любимых прибежищ была гора Масис. Тем не менее они встречаются почти всюду. В стране было множество мест со следами их присутствия, носящих их имя: камень Качи, город Качи, деревня Качи и поле Качи – Качавар (где охотились качи) и т. д.

Как и драконы, качи строили свои дворцы в самых высоких местах. В древней песне сказано, что именно эти духи унесли злобного Артавазда на Масис, где он по сей день остается беспокойным пленником. К тому же они удерживали в Риме Александра Великого, а царя Ерванда в мутных водах в тумане. Они развязывали войны, что является характерной особенностью общностей змей и эльфов, и охотились. Они крали зерно с гумна и вино прямо из-под давяльного пресса. Они часто находили удовольствие в том, что избивали, таскали волоком и мучили людей, дочерна щипая свои жертвы, так же как их западные сестры и братья. Люди сходили с ума из-за их пагубного влияния. В средневековой Армении посвятившие себя искусству магии, как Фауст и ему подобные, имели обыкновение умчаться к отдаленным местам и, пройдя по воде, добравшись до чужих земель, накрыть стол перед ненасытными качи, чтобы получить от них знания. И наконец, средневековые качи (а возможно, и их предки) были очень музыкальны. Людям часто доводилось слышать, как они поют, хотя нам неизвестно, зачаровывало ли их пение так же, как пение западных эльфов и греческих сирен. Однако современные представители качи своей собственной предпочитают музыку, исполняемую людьми. Согласно Джаванширу, историку, писавшему об иверийцах Закавказья, коварный армянский царь Ерванд построил храм качи в Дзунге, недалеко от Ахалкалаки в Иверии (Грузия).

Нимфы (Javerzaharses)

Нимфы не упоминаются у древних авторов, поэтому не совсем понятно, заимствованы они у других народов или нет. Возможно, это качи женского пола, ведь последние известны в фольклоре как мужья нимф. Алишан, не цитируя никаких авторитетных источников, утверждает, что они бродили в степях среди сосен и по берегам рек, невидимые и от природы наделенные нетленным знанием, они не могли ни узнать что-то новое, ни позабыть, что им известно. Нимфы обладали рациональным мышлением, не способным к развитию. Они любили свадьбы, пение, игру на тамбуринах и веселые праздники так сильно, что некоторые из более поздних церковных авторов путали их с какими-то злыми духами, чары которых можно было преодолеть, лишь взмолившись о божественной помощи. Невзирая на название – «вечные невесты», они считались смертными. Простые люди верили, что эти духи особенно заинтересованы в благоденствии девушек, в их нарядах, их замужестве и рождении детей. Некоторые предполагают, что Мовсес Хоренаци думал об этих обворожительных созданиях, когда писал загадочные строки: «Воды рек тихо прихлынули к своим берегам и растеклись до подножий гор и до краев полей, и юноши бродили там, будто девы были рядом».

Торх (Торкс)

И своим названием, и характером Торх напоминает дуэргаров (цвергов, карликов, dwarфов) Северной Европы и тельхинов Греции или, точнее, Родоса. Все эти странные названия, очевидно, принадлежат к индоевропейскому языку и обозначают класс демонических существ гигантского или, наоборот, карликового размера, которых отличает владение великим мастерством во всех искусствах и ремеслах. Особенно они славились как кузнецы. В античные времена несколько мифических произведений приписывалось перу греческих тельхинов наряду с изготовлением косы Хроноса и трезубца Посейдона. Они были вредными, недоброжелательными духами, которых с незапамятных времен порой путали с циклопами. Тельхинов называли детьми моря, и они были очень малочисленны.

Торх, который вряд ли является поздним греческим заимствованием и, возможно, принадлежит подлинно фригийско-армянскому мифу, напоминает и тельхинов, и циклопов. На самом же деле он своего рода армянский Полифем. Упоминалось, что он из племени Pascham (?). Он гордился своим уродливым лицом, гигантским грубым торсом, приплюснутым носом и глубоко посаженными свирепыми глазками. Жилище его было найдено в Западной Армении, наиболее вероятно, поблизости от Черного моря. Древние эпические песни не сумели достаточно превознести его недюжинную физическую силу и его бесстрашие. Подвиги, приписываемые ему, были еще более поразительными, чем подвиги Самсона, Геракла или даже Рустама Сакджика (из Сеги стана), чья мощь равнялась силе ста двадцати слонов.

Армянский Торх мог раскрошить кусок твердого гранита голыми руками. Он мог отшлифовать его в гладкую плиту и своими ногтями выгравировать на ней изображения орлов и много чего еще. По этой причине он известен как великий мастеровой и даже художник.

Однажды на берегу Черного моря он повстречался со своими недругами, которые перед этим очень сильно разозлили его каким-то своим проступком. При его появлении они ринулись к морю и умудрились покрыть расстояние в восемь лье, которое пролегло между ними и ужасным великаном. Но он, не обескураженный таким расстоянием, начал с силой метать в них громадные, как холмы, валуны. Несколько кораблей затонуло во внезапно образовавшейся бездне, а другие были отнесены на многие лье могучими волнами, разыгравшимися на море.

Дэвы

Ахриман, главный из дэвов, был известен в Армении исключительно благодаря зороастризму. Сами армяне, вероятно, называли правителя сил зла Чар (Char), что значит «нечистый», «злой дух». Так же как в зороастризме признавался zemeка, «зима», как самый почитаемый демон, так армяне считали снег, лед, град, бури, молнию, тьму, драконов и других тварей созданиями Чара или дэвов. Хотя они практически ничего не знали о непоколебимой двойственности духовного мира или о постоянной войне между силами света и силами тьмы, кроме всех уже описанных нами духов и тех, с которыми еще предстоит познакомиться, количество дэвов было огромно. Дэвов также называли ais (слово, родственное санскритскому asu и германскому as или aes). Езник трактовал его как «дыхание». По этой причине дэвы изображались как существа из «воздуха». Как и у ангелов в мусульманстве, их тела были едва различимы. Они были и мужского пола и женского и состояли в супружеских отношениях не только друг с другом, но и с людьми. Они рождались и, возможно, умирали. Им было несвойственно жить в состоянии неограниченной анархии. Они, так сказать, были организованы под властью «абсолютного монарха». Желая напугать людей, они являлись им в снах в облике диких зверей. Но они приходили и наяву, оборачиваясь то человеком, то змеем. Их любимые пристанища – среди камней, чаще всего в развалинах. От таких мест старались держаться подальше даже самые храбрые. Однажды, когда армянский дворянин бросил вызов наместнику персидского царя, в котором текла голубая кровь, предложив проскакать верхом по каменистому грунту, принц ответил: «Отправляйся вперед и посмотри, только дэвы могут охотиться в каменистых местах».

Кроме того, согласно более позднему магическому тексту, дэвы могут жить и действовать где угодно. Обмороки и безумие, зевота и потягивание, чиханье и зудящие шея, ухо или язык – безошибочные признаки их демонического присутствия. Но люди не были абсолютно беспомощны перед дэвами. Любой, кто был способен ловко обращаться с посохом и мечом, нанося удары по подозрительным теням, рассекая воздух, или просто держать оружие рядом с собой, укладываясь спать, мог чувствовать себя в полной безопасности от их бесконечных назойливых приставаний. Конечно, мы должны отличать широко известного дэва, сравнительно глупого и часто безвредного великана, от дэва теологического, который представляет собой разрушительный и неизменно вредный дух, расставляющий ловушки на пути человека. К последним, несомненно, принадлежали Druzes (авестийские друджи), коварные, лживые и распутные духи женского пола. Их способ самораспространения путем соблазнения мужчин в снах, описанный Авестой, известен, хотя не очень хорошо, и армянам. Возможно, они сами образовали особый класс существ, подобно пари (зороастрийские Pairikas, «волшебницы, чародейки»), которые также являлись вредными духами женского пола, хотя обычные люди не были вполне уверены в том, дэвы они или монстры. Их тоже можно было встретить в развалинах.

Алы

Самым отвратительным племенем демонического мира были алы. Они попали в Армению либо от сирийцев, либо от персов, которые тоже верили в них и считали духами деторождения. Ал – по-вавилонски Аш, одно из четырех общепринятых названий злых духов. Но армянский и персидский ал некоторым образом соответствует еврейской Лилит и греческой Ламии.

Возможно, алы и были известны древним армянам, но примечательно то, что мы не слышали о них до средневековых времен. Они представляют собой косматых и щетинистых полуживотных-полулюдей. Они бывают мужского и женского пола. У каждого из них есть «мать». Часто их называли зверями, однако обычно упоминали вместе с дэвами и качи. По словам Григория Татеваци, они жили у воды, в сырых песчаных местах, но не возражали и против углов в домах и конюшнях. В молитве против алов они предстают нечистыми духами с горящими глазами, держащими в руках железные ножницы. Алы обычно бродили или прятались в песчаных местах.

Безымянный автор описывает ала как мужчину, сидящего на песке. Его волосы – извивающиеся змеи, ногти – латунь, зубы – железо и клыки вепря. Царь, которому они служат, живет в бездне, закованный в цепи, по самую шею утопающий в расплавленном свинце, и пронзительно кричит. Прежде алы были демонами болезней, которые по какой-то причине ограничили свою активность тем, что губили только нерожденных детей и их матерей. Они нападали на мать во время родов, обжигая уши, вырывая печень и стараясь задушить вместе с нерожденным ребенком. Также они крали нерожденных семимесячных детей, которых на Востоке считали полностью сформировавшимися и развившимися к этому времени, желая принести их, «глухих и немых» (как дань?), своему жуткому царю. В других фрагментах упоминается, что они губили и ослепляли нерожденное дитя, чтобы высосать мозг и кровь и съесть плоть, вызывали выкидыш, препятствовали появлению молока у матери. Во всех странах считается, что женщины во время родов подвергаются очень сильному влиянию и воздействию злых духов. Поэтому в Армении их окружают со всех сторон железным оружием или железными предметами, отпугивающими зло и очищающими воздух в комнате и воды близлежащего ручейка (где, как полагают, обитают эти духи). Если, родив ребенка,

мать падает в обморок, это истолковывается как признак присутствия ала. Иногда в таких случаях люди прибегают к крайним мерам, чтобы спасти мать, и выставляют ребенка на плоской крыше дома в знак примирения со злыми духами. Идентичны или, по крайней мере, близко связаны с алами так называемые теплы (thepla), из-за присутствия которых рядом с женщиной во время родов ребенок чернеет, теряет сознание и умирает.

Нэанги

Эти чудовищные духи, по крайней мере в армянской мифологии, находятся в близком родстве с драконами. С персидского слово «неанг» переводится как «крокодил», что вполне прозаично, хотя в персидской народной сказке о Хатим Тае нэанг предстает полумифическим морским чудищем, невероятно огромным и боящимся краба. Армянские переводчики Библии используют это слово в значении «крокодил» и «бегемот». Однако в армянской мифологии соединились в одном образе неизвестный речной монстр и мифическое существо. Нэанги личностны и бестелесны. Они – злые духи, которые устраивали свое обиталище в определенных местах и усердно старались кому-нибудь навредить. Иногда они появлялись в реках в облике женщин (русалок?). Иногда превращались в тюленей (phok) и, хватая плывущего за ноги, тащили его на дно потока, где, возможно, были их жилища, подобные тем, в каких обитали эльфы. В географии (существует в виде манускрипта), приписываемой Мовсесу, говорится, что нэан-гов можно наблюдать в реке Арацани (Мурад Чаи?) и в Евфрате. Используя животное под названием чарчашам (charchasham) для утоления своей похоти, они, подобно вампирам, высасывали из него кровь и оставляли умирать. Тот же самый автор сообщает, что, по одним сведениям, нэанг был зверем, а по другим – дэвом. Иоанн Златоуст (в армянском переводе) описывает дочь Ирода более кровожадной, чем «все нэанги моря».

Арлезы (аралезы, яралезы)

Древние армяне верили: если храбрый воин погибал в битве или от руки вероломного врага, духи под названием «арлезы» спускались с небес, чтобы вернуть его к жизни, зализывая раны. В мифе об Ара эти духи отождествляются с богами Семирамиды; они упоминаются также в правдивой и вполне реалистичной истории IV века об убитом Мушеге Мамиконяне, командующем армянской царской армией. «Семья не могла поверить в его смерть... остальные надеялись, что он оживет; поэтому они пришили голову к телу и положили его на башне, говоря: «Раз он был отважным воином, арлезы спустятся с небес и воскресят его». Вероятно, их название армянского происхождения и значит «лижущие храбрецов», или «лижущие Ара», или даже «вечно лижущие». Они были невидимы, но произошли от псов. Их никто никогда не видел. Очевидно, псы, от которых они ведут свой род, были вполне обычными, из плоти и крови, потому что Езник вопрошает, как создания высшего духовного порядка могли быть связаны с телесными. Представляли также, что арлезы существовали в облике животных, а именно обращивались псами.

Другие духи и фантастические чудовища

Армяне также верили в существование фантастических чудищ под названием амбари или амбару, джушкапарики (вушкапарики), пайи и морские быки. Все они явно персидского происхождения. Однако же природа и нрав этих созданий покрыты тайной.

Амбару рождались и умирали. Они представляли перед людьми, воплощаясь в самых разных образах, подобно дэвам и пасвикам. Возможно, они были существами женского пола, телесными, живущими на земле, и особенно в пустынных местах и развалинах. Фон Стэкельберг считает, что слово *Nambaru* по-персидски означает «домашние духи». Это подтверждается краткой формой *Anbar*, которая передает смысл фразы «обрушившийся дом или стена»; поэтому изначально амбару могли восприниматься как духи, населяющие безлюдное место. Слово также может иметь значение «красивый» или даже «гиена». Словарь древнеармянского языка определяет его как *CharthoX* (?), если дух живет на земле, и переводит как «крокодил», если обитает в воде. Но древнейшие авторитетные источники, такие как армянское переложение Библии и Езник, относят амбару к мифологическим существам. Предрекая Вавилону тотальное разрушение, Исайя (армянский перевод, 13: 21-22) говорит: «Там останутся лишь дикие звери, а их дома наполнятся криками. Амбару заполонят их жилища, и дэвы будут там плясать. Джушкапарики поселятся в тех местах, а дикобразы будут рождать своих детенышей в их дворцах». И здесь, и в любом другом тексте «амбару» употребляется для интерпретации *Charthol* (сирен) из Септуагинты.

Еще одно фантастическое чудовище – джуш-капарикили вушкапарик, осел-пайрика, бесспорно персидская концепция, которая практически никак не отражена в персидских источниках. Это название призвано обозначить полудемониче-ское-полуживотное создание или, иначе, пайрику (дэва женского пола, имеющего любовные пристрастия). Пайрика представала в облике осла и жила в развалинах. Однако Езник и древние переводчики Библии используют это слово в едва ли позволительном приближенном значении для перевода *Ovokéntauros*, ослобыка из Септуагинты (Исайя, 13: 22; 34.2: 14). Согласно Ваграму Вардапету, цитируемому Алишаном, джушкапарик был выдуман в Средние века как получеловек-полуосел с латунной пастью. Таким образом, он наиболее близок к представлению о кентавре, какое бы слово ни служило переводом в истории Мовсеса Хоренаци. Иногда, что сбивает с толку еще больше, оно встречается в значении «сирена» или как синоним амбару. Что касается таких существ, как пайи, которые хвастали своим человеческим происхождением (предположительно по матери), мы находимся почти в полном неведении. Во времена Езника находились те, кто утверждал, что видели их собственными глазами. Древние армяне говорили также о человеке-пайе. Пайи, вероятно, являются разновидностью парик.

Случай с морским быком не столь безнадежен. Этот фантастический монстр приумножал свой род примерно так же, как морские кони в «Первом путешествии Синдбада-морехода». Люди утверждали, что в их древне морской бык нападал на коров, и они часто слышали его рев.

Можно легко вообразить, что сразу после рождения потомство чудовища бросалось к воде, как морские жеребцы из сказок «Тысячи и одной ночи», о которых мы только что упоминали. Но этот морской бык также напоминает того, что Посейдон послал на Минос как жертвоприношение, но мудрый царь неблагоприятно отошел от первоначальной цели и переправил его в свое стадо, или того, что по требованию Тезея Посейдон отправил, чтобы уничтожить его невинного сына, Ипполита.

Еще одним фантастическим монстром, и конечно же не последним в длинном списке, был слонокозел (phlalachal).

Глава 9

Космогония, смерть и эсхатология

Никаких определенных знаний о древнеармянской космогонии до нас не дошло. Сомнительно, была ли она вообще, учитывая, что космогония не является неотъемлемой частью индоевропейской мифологии. Древние христианские авторы, такие как Агафангел и Езник, часто объясняют, как Бог создал землю из «ничего», и называют это точкой зрения сирийцев. Они поддерживают это мнение, выступая против тех, кто в соответствии с более распространенным библейским взглядом, учит, что земля была сотворена из первозданного хаоса. Лишь из современного армянского фольклора мы узнаем о первозданном быке, на рогах которого покоился мир и который, мотая головой от раздражения, вызывал землетрясения. Агафангелу представляется, что «небеса – куб, свободно висящий в пространстве, а земля – плотное образование с твердым основанием, которое не держится ни на чем». Для всех армянских авторов земля являет собой целый мир. Сверкающее звездами небо, в котором вращаются по своим орбитам светила, большого значения для них не имело.

Существовала у древних армян космогония или нет, мы знаем, что в их религии на стадии зороастризма они считали мир и все в нем плодом трудов Арамазда, которого Агафангел называет творцом небес и земли. Незримый мир был у них густо населен мистическими силами, богами, ангелами (Hreshtak от персидского *firishtak*, «посланец»), духами, демонами и демоническими чудищами всех мастей. Человеческая жизнь, ее события и конец, были predeterminedены или божественными законами (Hgraman, персидское *Farman*), которые считались неизменными и безошибочными, или мистической связью со звездами, созвездиями и зодиакальными знаками. Мы не можем заявлять категорично, но вполне очевидно, что звезды воспринимались как *fravashi* (двойственная, внешняя душа или сущность) людей. В современном фольклоре говорится: когда падает звезда, умирает человек. Одним словом, древние армяне были бескомпромиссными фаталистами. Этот взгляд на жизнь укоренился так глубоко и оказался таким губительным по своему воздействию, что древние христианские писатели прилагали все усилия, чтобы искоренить его и теологическими, и практическими аргументами.

Человек состоял из тела (*marmin*) и души (*hogi* или *shunch*, «дыхание», *ψυχή*). *Uru* по-ирански *urva*, возможно, изначально употреблялось также в значении «душа», но в итоге стало обозначать призрака или призрачную наружность.

Призраков называли *urvakar*, то есть призрачные существа. О том, что этим духам поклонялись, неопровержимо свидетельствует древнее слово *urvapast*, «духопоклонники», которое Агафангел применил по отношению к армянам-язычникам. Лингвистические факты доказывают, что изначально «душа» была не более чем «дыханием», хотя постепенно это понятие трансформировалось в нечто личное и материальное. Она никогда не называлась «тенью», но в христианские времена тесно связывалась со светом, что обусловлено зороастрийским влиянием. Смерть считалась

отделением души от тела или, скорее, извлечением души, более или менее тонкой субстанции, через рот. Это всегда представлялось процессом весьма болезненным, возможно благодаря вере в то, что душа распределена по всему телу. Ангел, «забирающий душу», и «писец» – два главных действующих лица в этой последней и величайшей трагедии человеческой жизни. После смерти душа остается поблизости от трупа до похорон. Безжизненное тело обычно вселяло благоговейный трепет, страх и смятение. Его быстро омывали и заворачивали в саван, а до и после этого в комнате, где находился покойник, курили благовония и зажигали свечи, не столько для того, чтобы указать путь отделенной и сбитой с толку душе (Абегян), сколько для того, чтобы защитить мертвого от сил зла. Возможно, какие-то следы культа предков сохранились в традиции зажигать в субботу днем свечи и окуривать дом ладаном. Смерть в доме неизбежно влекла за собой обновление огня, так как присутствие мертвого тела оскверняло очаг. В древние времена оплакивание умершего носило особенно бурный характер. Все родственники спешили собраться возле покойного. Плакальщицы, специально нанятые женщины, запевали погребальную песнь и славословили его. Ближайшие родственники горько рыдали, рвали на себе волосы, царапали лица и руки, били себя в грудь, пронзительно кричали и укоряли ушедшего друга за то горе, которое он им причинил своей кончиной. Вероятно, они также остригали свои длинные струящиеся волосы в знак траура, так же как монахи, которые, говоря формально, являются духовными плакальщиками (abēla, от сирийского *abhlā*) при вступлении в религиозный орден. Покойника несли на кладбище на похоронных носилках. До нас не дошло ни одного упоминания о кремации у армян. Возле незасыпанных могил царей и вельмож совершали самоубийства многочисленные слуги и женщины. Так случилось, когда умер Арташес, к великому неудовольствию его неблагодарного сына Артавазда. Мавзолеи армянских царей находились в укрепленном городе Ани в провинции Даранали. Они когда-то были открыты скифами, которые либо ожидали найти там несметные сокровища, либо намеревались таким варварским методом ускорить бой с отступающим местным населением.

Стремление духов к своим старым домам и их «страсть к странствиям» хорошо известны армянам. Множество молитв и пожеланий «упокоения» отошедшей душе, как и разнообразные похоронные кушанья и пожертвования еды усопшему, указывают на огромную заботу, с которой они пеклись о том, чтобы сберечь душу в могиле. Надгробия часто изготавливали в виде лошадей и ягнят, которые символизировали обычные жертвы, приносимые мертвым, и даже сегодня возле них оставляют отверстия для еды и напитков. Даже о рисовом супе, в котором черпали наслаждение питары (души предков) древних индусов, в наши дни напоминает рис, который в некоторых местностях друзья приносят в осиротевший дом на следующий день после похорон.

Подобно латышам, фракийцам, грекам и многим другим народам, армяне в своих погребальных ритуалах переходили от безудержного горя к еще более безудержному веселью. Это доказывает происходившее в древние времена шумное празднество у могилы, когда мужчины и женщины, стоя лицом друг к другу, танцевали и хлопали в ладоши под музыку рожков, арф и скрипки. Это было и остается обычным похоронным обрядом во многих местах.

Очень сложно дать четкое, последовательное объяснение веры армян в жизнь после смерти. Несомненно, они верили в бессмертие. Но изначально, как в Греции и других странах, не предпринималось никаких попыток привести к гармонии отличные друг от друга и даже противоречивые взгляды, а контакт с зороастризмом привнес дополнительную путаницу. Обычное армянское слово, обозначающее могилу – gerezman, есть не что иное, как авестийское garonmana, «дом восхвалений», то есть рай небесный, как место вечного света и подходящая обитель Ахурамазды. Употребление армянами столь важного слова для обозначения могилы может быть всего лишь эвфемизмом, но также может быть и выражением веры в счастье, которым наслаждается душа в могиле, или же – в мучение, от которого она страдает. Это очень похоже на предвкушение рая или ада, которые предназначены за хорошие или дурные поступки мусульманским усопшим. В таком случае главным обиталищем отделенной души становится сама могила, чтобы душа могла находиться как можно ближе к телу. Само же тело сильно подвержено воздействию злых духов.

Заметный след оставила вера в Гадес. Иранский Спента Армаити (позже Спентарамет), «дух земли», появляется в армянском языке в искаженной форме «Сандарамет» и только в значении «Гадес» или «ад». Сандарамет населяли злые духи. Даже Авеста выдает свое знание более древнего и распространенного употребления этого слова, когда говорит о «тьме Спенты Армаити». Гадес был на земле, и, естественно, правил им дух земли. Это не единичное явление, поэтому богини земли и боги растительности в Западной Азии, как и боги, имеющие греко-римское происхождение, непременно были связаны с подземным миром. Черная аркадская Деметра и ее дочь и двойник, Персефона, представляют как бы обратную сторону Деметры, прекрасной и великодушной. Сабазий (Дионис) (под именем Залмоксис?) был правителем подземного мира у фракийцев. В армянском языке есть также слово օսւոյն, которое употребляется для обозначения властителя Гадеса. Это, безусловно, «Аид». Но очень трудно удостовериться, является ли это слово исконно армянским или родственно греческим аналогам.

Еще одно понятие, которое в армянском Ветхом Завете используется в значении «Гадес», – Dzokh, от персидского Duzakh, обозначающего ад. Однако в христианские времена вошло в употребление выражение gayank, «станция», «остановка». Изначально, согласно древним Отцам Церкви, оно обозначало место, где собирались души и в полубессознательном состоянии ждали судного дня, а Сандарамет и Джох стали названиями ада еще в языческие времена.

По поводу местонахождения Гадеса существует некоторая неопределенность во мнениях. Возможно, он где-то внутри земли, в глубине или под могилами. Но, с другой стороны, высказывание Езника о грешниках, которые обернулись лицом к западу, хотя и прямо указывает на место нахождения христианского ада и демонов, может также обозначать ад языческий. Поэтому нам известно, что ад – ступень Гадеса и что вавилоняне, греки и египтяне все искали Гадес иногда в земле, но чаще обращались к западу; для них заходящее солнце светило миру мертвых. Также известно, что в современном армянском фольклоре заходящее солнце называется «долей мертвых». Жизнь оканчивалась могилой или Гадесом, но, каким бы

печальным и мрачным он ни был, считался своего рода даром. Мертвые нуждались в пище, слугах и т. д. На это ясно указывают приношения еды, так же как принудительные и добровольные самоубийства у могил царей.

Представления армян о конце света основаны на персидских идеях. Прежде всего люди знали и рассказывали известную персидскую историю об Аждааке Вираспе (Аждааке с десятью тысячами лошадей). В соответствии с ней Аждаак Вирасп был предком первого правителя персов. Он был любителем гласности и сторонником отсутствия частной собственности. Он считал, в частности, что ничего никому не принадлежит и все должно предаваться гласности. Поэтому в начале своего правления он был коварным, но не лишенным показного великодушия властелином страны. Позже он посвятил себя астрологии и обучался у очень знающего (?) злого духа, который поцеловал его плечи, тем самым создав на каждом из них по дракону или же превратив в дракона самого Аждаака. В то время Аждаака одолевали чрезмерный аппетит при виде человеческой плоти и огромное желание сеять ложь. В конце концов Хрудэн (Траэтона, Фаридун) победил его и заковал в латунные цепи. По дороге к горе Дамаванд Хрудэн уснул и допустил, чтобы Аждаак тащил его на вершину. Проснувшись, он повел Аждаака в пещеру и встал перед ней, преграждая чудовищу выход, чтобы предотвратить гибель мира.

Но у армян и их северных соседей возникли собственные версии этого зороастрийского мифа, в которых традиционный Аждаак уступил место национальным злодеям, а название горы изменилось на Масис и Альбурз. В древней Армении ужасным монстром был Артавазд, сын-подменыш царя Арташеса. Во время похорон отца, когда множество слуг, жен и наложниц покончили с собой (или были убиты?) на его могиле, неблагодарный и бесчувственный сын, выражая недовольство, сказал: «Вот! Ты ушел и забрал с собой все царство. Я теперь должен править на развалинах?» Разгневанный упреком, Арташес ответил из могилы:

Когда отправишься ты на охоту Вверх, по склонам священного Масиса, Качи схватят тебя И унесут на самую вершину. Там будешь обитать, и света тебе не видать.

И действительно, вскоре после своего восшествия на престол, когда он отправился охотиться на вепрей и диких ослов, у него закружилась голова и он, упав в пропасть вместе со своей лошадью, бесследно исчез. Люди говорили, что в пещере Масиса его заковали в железные оковы, которые постоянно обглаживали две собаки. Когда оковы падут, он выйдет, чтобы править миром или уничтожить его. Но стук кузнечного молота по наковальне укрепляет цепи; поэтому, даже в христианские времена, по воскресным и праздничным дням кузнецы несколько раз ударяют своими молотами по наковальням в надежде таким образом предотвратить неожиданное освобождение Артавазда и его возвращение в мир.

Также стоит заметить, что рассказ о змеях, обучающих прорицанию, на плечах Аждаака, существует в греческой мифологии и повествует о слепом Мелампе и, возможно, о Кассандре и ее ясновидящей сестре. А армяне, жившие в IV веке н. э., утверждали, что это история о безнравственном царе Папе, чья слава мага достигла Греции.

За любым рассказом о конце света вполне логично следует описание Страшного суда и обновления небес и земли. Но, к несчастью, древние записи на этом прерываются. В древнеармянском языке известно персидское слово *ristaxez*, «воскресение, возрождение» как имя собственное – *Aristakes*. В современном армянском фольклоре очень живописно обрисован мост *cinvat* (чинват), который получил название «мост-волос». Словом «царство» обозначается рай небесный, кроме того, называемый *drakht* (от персидского *dirakht*, что значит «дерево»). Картину дополняет изображение огня и дэвов, мучающих грешников, а Спандарамет и Джох, когда-то бывшие синонимами Гадеса, приобретают значение ада. Но из всех этих прерывистых и неопределенных сведений нам сложно составить четкую и связную картину конца света в представлении армян. Христианская эсхатология, благодаря поразительному сходству с зороастрийской, должно быть, впитала местные предания на эту тему. Однако, как ветвь фракийского народа, армяне обладали стойкой верой в бессмертие и имели ясное и конкретное представление о будущем мире, подобное тому, какое мы находим у Платона в мифе об Эре.

Образование армянской нации

Многие из старых историков дают нам чересчур упрощенное представление о происхождении современной армянской нации. Согласно Геродоту, армяне пришли в Малую Азию с запада в компании с фригийцами, с которыми, по его мнению, их связывало близкое этническое родство. Тот факт, что армянский язык относится к индоевропейским, казалось бы, подтверждает миграционную гипотезу. Несомненно также, что в разные моменты второго и первого тысячелетия до н. э. в районах Ванна и Аракса происходили значительные этнические подвижки.

Однако современные археологические и лингвистические открытия показали, что простая миграционная теория не объясняет всех фактов. Многие черты урартской цивилизации проявились в древнеармянской культуре. Само название «Урарту» в различных вариантах долго жило и после гибели Ванского царства. По сути, «Урарту» является всего лишь вариацией названия горы Арарат, фокусной точки армянского самосознания с незапамятных времен и до наших дней. Название «Урарту» сохранилось в наименовании этнического термина «аларод[иане]», народа, о котором часто упоминают классические географы начиная с Геродота. Эти алародиане составляли особый контингент в армии великого персидского царя Ксеркса. У них был собственный язык (несомненно, основанный на урартском). Они продолжительное время (много лет после исчезновения Урартского царства) занимали большую территорию в центре Армянского нагорья.

Название «Урарту» в форме «Урашту» встречается в вавилонских надписях царя Дария в 520 году до н. э., причем в параллельном персидском тексте из Бехистуна уже используется термин «Армина». Этническое определение «Урашту» встречается в надписях царя Ксеркса в начале Увека до н. э., и вновь в отношении территорий, известных нам как Армения. Однако Гекатей Милетский, первый греческий историк и географ, писавший около 500 года до н. э., уже привычно пользуется термином «Армений». Один из первых царей Урарту звался Арама, или Араму. Мовсес Хоренский (Хоренаци) включает его в свой список древних правителей Армении как шестого потомка эпонимного праотца армян – Хайоса. Некоторые ученые видят связь между урартским именем Арама и этническими терминами «Армения», «армянин».

Стоит привести здесь мнение доктора Ричарда Барнетта, который считает, что последний царь Урарту, Руса III (605–590 гг. до н. э.), «сын Эримены», был на самом деле армянским узурпатором, и вместо «Руса, сын Эримены» его следует титуловать «Руса Армянин».

Как мы видели, правящий класс Урарту в качестве официального языка использовал хурритский, на котором они, кстати, и писали клинописью, подобно ассирийцам и вавилонянам. С исчезновением Ванского царства народы Армении утратили привычку писать на родном местном языке. Это не означает, что они стали неграмотными. На протяжении почти тысячи лет – до изобретения в V веке н. э. армянского алфавита святым Месропом Маштоцем – армяне вели свои государственные летописи на ведущих

международных языках – иранском, арамейском и греческом. Однако отсутствие письменных летописей на местном наречии, конечно, лишь добавляет трудностей в прослеживании происхождения армянской нации. Такой, какой мы знаем ее сегодня.

Мы можем не сомневаться, что коренное население Урарту и Армении не исчезло в 590 году до н. э. с лица земли под натиском мидян и других варварских племен. В своей полулегендарной биографии персидского царя Кира Ксено-фонт приводит любопытный рассказ о том, как Кир умиротворил Армению, действуя как посредник между собственно армянами и последователями бога Халди, то есть потомками урартов. Армянский царь Тигран становится персидским вассалом. Царь Кир отыскивает армян, заселяющих плодородные долины и пахотные земли, и последователей бога Халди, скрывающихся в горах. Кир убеждает армянского царя позвать народ Халди в долины и за соответствующую плату и дань заняться обработкой пустующих земель. Взамен последователи Халди (урарты) обещают разрешить армянам беспрепятственно пасти стада на горных склонах. Затем Кир принимает меры для поддержания мира между этими двумя сообществами: он строит крепости в стратегических точках Армении и ставит там свои гарнизоны, со своими командирами.

В своем исследовании искусства Урарту Б.Б. Пиотровский сравнивает внешность и манеру одеваться урартских послов при дворе ассирийского царя Ашшурбанипала и армянских, изображенных двумя веками позже на рельефах Ксеркса в Персеполе. В 654 году до н. э., после победы Ашшурбанипала над эламитами, урартский царь Руса II направил послов в Арбелу, чтобы поздравить ассирийского владыку. Прием урартских послов и представлен на рельефе царского дворца в Ниневии. Урарты изображены там низенькими, одетыми в плащи поверх длинных одеяний с бахромой. На ногах у них высоко зашнурованные сапоги. (Детали подобных сапог видны на глиняных кубках в форме сапожка, найденных в 1959 году в Кармир-Блуре.) На голове у послов Урарту шляпы из мягкого войлока с кисточками, напоминающими шляпы армян на рельефах Ксеркса в Персеполе. Интересно отметить, что урарты показаны коренастыми и приземистыми по сравнению с другими изображенными там народами. Многие сегодняшние армяне обладают теми же физическими характеристиками, что особенно заметно при сопоставлении их с соседями (курдами, иранцами или татарами).

Как упоминалось выше, армяне называют сами себя «хайа», а свою страну – «Хайастан». Представляется вполне разумным связать эти этнические термины с названием древней восточной провинции Хеттского царства Хайаса, которая располагалась в гористой Западной Армении близ верховьев рек Евфрата или Карасу. Язык народа, населявшего Хайасу, был, очевидно, сродни древним индоевропейским языкам Малой Азии, а именно хеттскому, лувийскому, лидийскому, ликийскому и фригийскому. Это важно учитывать ввиду заметного сродства армянского с другими индоевропейскими языками. Включение племен Хайасы в Хеттскую империю, несомненно, внесло свой вклад в дальнейшую эволюцию языка, культуры и обычаев армян.

После крушения Хеттской империи название «Хайаса» исчезает из

летописей. Мы не находим его ни в ассирийских, ни в урартских официальных текстах и надписях. Оно заменяется ссылками на край «Сукхми», или «Сокхми», расположенный между верховьями рек Евфрата и Аратсани, или Мурат-Су.

В юго-западной части Армянского нагорья, к западу от озера Ван, была земля хурритов – Шуприя. В урартской надписи Сардури II (середина VIII в. до н. э.) этот край носит имя Арме, или Армини. В течение последующих столет из-за ослабления мощи центральной урартской власти народы этого Арме явно стали господствовать над множеством мелких племен гористой юго-западной области Армении.

На севере от них, в древней Хайасе, остатки хайасского народа создали некую федерацию племен, которая и дала имя Хайастану. Название «Сокхми», применявшееся также к племенам, населявшим районы в верховьях Евфрата, перешло в средневековые и современные грузинские тексты в качестве собирательного наименования армян («сомекхи» означает «армянин», а «Сомкхети» – «Армения»). Крушение Урарту и последующее вторжение мидян привело к слиянию и смешению всех этих племен, так что термины «Хай», «Арме» и «Сокхми» стали практически синонимами. Сами армяне приняли имя «хай», грузины – «сомекхи», а иранцы – «армина», которое в греческом и латинском языках преобразовалось в привычное «Армения».

Древние армянские легенды рассказывают о жившей в далекие годы расе белокурых голубоглазых великанов, совершавших чудесные подвиги силы и мужества. Возможно, это отголоски миграций индоевропейских народов, преобразивших в бронзовый век культурную обстановку Армении и Ирана. В некоторых районах Малой Азии, включавшей в себя царство хеттов, верхушка индоевропейских пришельцев навязала местному населению, большей частью анатолийскому по этническим чертам, свой язык и государственную организацию. Так произошло на южных пустошах исторической Армении, в царстве Митанни, которое одно время соперничало в мощи с хеттами и фараонами Древнего Египта. Как показал Манфред Мэйрхофер, все митаннийские цари носили индоевропейские имена, их боги являлись богами индоевропейского пантеона, а кроме того, они пользовались индоевропейскими терминами для обозначения дел, связанных с выведением и выучкой лошадей. Однако основную массу их населения составляли хурриты, о чем свидетельствуют имена цариц и тот факт, что официальная переписка митанни с египетскими фараонами велась на хурритском языке.

Много лет спустя после падения Митанни в эти края не раз вторгались скифы и киммерийцы из русских степей и с евразийской равнины. Киммерийские захватчики явились в Колхиду около 730 года до н. э. со стороны Азовского моря и шли далее по Черноморскому побережью. За ними вскоре последовало несколько волн скифов, прорвавшихся на Кавказ через Дарьяльский перевал и прошедших берегом Каспийского моря мимо Дербента и нынешнего Баку. Кроме свидетельства Геродота о приходе в Армению и Грузию больших орд кочевников, об этом говорят скифские погребения и находки скифских стрел в Саматавро, древнем кладбище близ Мцхеты, в Триалети к югу от Тбилиси, а также в Кармир-Блуре (Армения) и

других местах.

Со своих баз в Армении скифы и киммерийцы распространились на запад, юг и юго-восток. Они вторглись в Мидию, в 696–695 годах разгромили Фригомукшенское царство царя Мидаса, а затем разграбили греческую колонию Си-ноп на Черном море. Они бурей прошли по Сирии и Палестине, дойдя даже до границ Египта. Они нагнали ужас на народы Израиля – об этом говорится у Гомера (о киммерийцах) и в книге пророка Иезекииля о Гоге и Магоге (под которыми подразумеваются скифы). Все это подготовило крушение Ассирии и Урарту.

Считается, что владычество скифов в большей части Малой Азии, Армении и Северной Персии продолжалось примерно 28 лет, с 652 по 624 год до н. э. В конце концов скифы были разгромлены объединенными силами мидян, персов и армян, которые также нанесли сокрушительный удар слабейшему могуществу Урарту и Ассирии. Армянское содружество племен, Армини-Шуприя, находившееся на западе от озера Ван, временно приняло сторону мидян. Согласно полуполюгендарному повествованию Мовсеса Хоренаци, некий армянский царь Па-руйр принял участие во взятии Ниневии в 612 году до н. э., сражаясь плечом к плечу с вавилонянами и мидянами во главе с царем Киаксаром. В награду царский титул Паруйра был подтвержден мидянами, и он был признан первым правителем независимого Армянского государства.

Покорители Ниневии поделили между собой провинции бывшей Ассирийской империи. Сирия с Палестиной и юг Месопотамии отошли к Халдейской империи вавилонян. Мидийский царь Киаксар получил власть над большей частью Ирана, Ассирией и Северной Месопотамией, а также Арменией и Каппадокией. Мидяне включили в свои владения большую часть прежних урартских земель. Буйных и сильных мидян боялись все соседи, а изгнанные евреи ежечасно ожидали, что мидяне разгромят Вавилон. В книге пророка Иеремии (гл. 51, стихи 24–29) предсказано, что падению Вавилона поспособствуют армяне и урарты.

«И воздам Вавилону и всем жителям Халдеи за все то зло, какое они делали на Сионе в глазах ваших, говорит Господь.

Вот, Я – на тебя, гора губительная, говорит Господь, разоряющая всю землю, и простру на тебя руку Мою, и низрину тебя со скал, и сделаю тебя горою обгорелую.

И не возьмут из тебя камня для углов, и камня для основания, но вечно будешь запустением, говорит Господь.

Поднимите знамя на земле, трубите трубою среди народов, вооружите против него народы, созовите на него царства Араратские, Мининские и Аскеназские, поставьте вождя против него, наведите коней, как страшную саранчу.

Вооружите против него народы, царей Мидии, всех начальников ее и всех градоправителей ее, и всю землю, подвластную ей.

Трясется земля и трепещет; ибо исполняются над Вавилоном намерения

Господа сделать землю Вавилонскую пустынею, без жителей».

Однако правители Вавилона на какое-то время оттянули роковой день. Царь Навуходоносор пытался обезопасить свои владения от угрозы с севера строительством мощных укреплений, стен и каналов. Ему удалось добиться на полвека определенного равновесия и усилить его в дальнейшем династическими браками. Когда царь мидийский Киаксар напал на Лидию, правители Киликии и Вавилона вступились за нее и выторговали в 585 году до н. э. мирный договор, согласно которому река Галис (древнее название реки Кызыл-Ирмак в Турции), протекающая близ западных границ Армении, была определена как граница между Лидией и Мидией.

Этот неустойчивый баланс сил был нарушен около 550 года до н. э. появлением Кира и его персов, горского народа, обитавшего к юго-востоку от мидян и говорившего, подобно им, на индоевропейском языке. Персы были воодушевлены новым религиозным учением Зо-роастра (Заратуштры, или Заратустры) и новым пониманием своей имперской ответственности, которая отличала их правление от прежних восточных деспотий. Они быстро положили конец ослабевшей мощи Вавилона, последний царь которого, Набунаид, погиб в 539 году до н. э.

Персидское владычество в Малой Азии и на большей части Армении длилось с 546 по 334 год до н. э. Как и другие области огромной империи, Малая Азия была поделена на провинции (сатрапии). Согласно Геродоту, Армения и соседствующие с ней регионы составили следующие сатрапии:

1. Иония и другие греческие прибрежные города от Мраморного моря до Анатолийского залива, с Карией, Ликией и прилежащими островами, находившимися под персидским контролем.
2. Лидия, с прилежащей территорией Анатолии от Адрамитийского залива до границы с Киликией.
3. Фригия, включавшая прибрежные территории Мраморного моря и Понта и плато в глубь материка до соляной пустыни, а также Каппа-докию к северу от реки Галис.
4. Киликия, включая горы Тавра вплоть до верховьев реки Галис.
5. Сирия, непосредственно к юго-востоку от Киликии, от Амана до Арабской пустыни и Египта.
6. Мидия с Экбатаной и большим куском Западного Ирана.
7. Каспийские провинции, включая часть Азербайджана.
8. Армянские территории, с пактианами и «народами, обитающими за ними, вплоть до Понта Эвксинского» (Черного моря); столицей этой сатрапии был город Ван.
9. Территории, занимаемые матиени и саспе-ири (предки грузин), а также алародианами (остатки урартов).

10. Территории, которые занимают мосхи, ти-барены, макроны, моссиноечи и мары, племена кавказских и картвельских корней, обитавшие в горных районах к югу от Черного моря.

Эта классификация была в основном чисто географической, но при этом принималось во внимание наличие народонаселения и прежних династий. Каждой провинцией управлял сатрап, за делами которого бдительно надзирал соответствующий царский писарь. При сатрапах имелись вооруженные воинские части, набранные из местных жителей, однако западное пограничье охраняли особые отдельные отряды. Некоторые местные воинские подразделения предоставлялись наследственными ленами, причем иногда несколько подобных отрядов были подчинены какому-то одному высокому представителю царского двора. Так, во время кампаний Ксеркса армянами и фригийцами командовал некий Артохмес, зять царя Дария Гистаспа. В тех же кампаниях алародианами (урартами) вкуче с кавказским племенем саспеири командовал некий Масист, сын Сиромитра. Их оружие и доспехи были весьма сходны с вооружением и экипировкой колхов, которые носили деревянные шлемы, небольшие щиты из сырых бычьих шкур, короткие копья и кинжалы.

Персидская империя была величайшей из всех известных миру. Армения лежала на северных границах центральной ее части и потому скоро оказалась втянутой в огромную сеть международных путей сообщения и торговых дорог. С севера на юг шел наезженный путь по долине реки Араке, связывающий Колхиду на Черном море с Мидией. Благодаря этому прежний урартский город Аргиштихинили до сих пор и в нынешней Армении имеет важное значение. В Средние века, в правление династии Оронтидов, этот город, называемый тогда Армавиром, стал столицей Армении. Армянские провинции, лежавшие к югу от озера Ван, также играли важную стратегическую и торговую роль, так как располагались на Царской дороге, связывавшей Сузу с Ансирой (ныне Анкара) и Сардисом, а также с Западной Малой Азией. Геродот писал: «Правда об этой дороге такова. Вдоль нее стоят царские посты и очень хорошие постоянные дворы, и так по всему краю, густонаселенному и безопасному. Большая часть ее проходит по Лидии и Фригии, двадцать постов-переходов, а расстояние это составляет девяносто четыре с половиной парсанга [примерно 300 миль]. Там, где река Галис вытекает из Фригии, имеются ворота, в которые должно пройти, чтобы добраться до переправы через реку, а около них высится большая крепость. Отсюда дорога идет на Каппадокию, а оттуда к границе Киликии, это двадцать восемь постов-переходов и расстояние в сто четыре парсанга. А на границе этой вы проходите через двое ворот и минуете две крепости. Отсюда начинается путь через Киликию, три поста-перехода, пятнадцать с половиной парсангов. Границей между Киликией и Арменией служит судоходная река, называемая Евфрат. В Армении пятнадцать постов с постоянными дворами, расстояние в пятьдесят шесть парсангов [более 180 миль], там стоит одна крепость. Из Армении дорога ведет в землю матиенов, где тридцать четыре поста, на расстоянии ста тридцати семи парсангов. Землю эту пересекают четыре судоходных реки, через которые нужно переправляться на паромах...»

Это описание Геродота подтверждает, что профессия содержателя гостиниц является в Армении весьма древней, и армяне в ней весьма преуспевают. В

тот же самый период времени предприимчивые армяне и ассирийцы занимались торговлей с Месопотамией, плавая по Тигру на надувных плотках из шкур. Улучшение дорог и безопасности, которые принесла Персидская империя, несомненно, повысило благосостояние Армении и ее торговые возможности. Однако взамен армяне, алародиане и другие соседние племена, составлявшие вместе 13-ю и 18-ю сатрапии, обязаны были предоставлять великому персидскому царю дань в размере шестисот талантов серебра, а также коней, рабов и разнообразное военное снаряжение и припасы. Это, разумеется, тяжким грузом ложилось на экономику Армении.

Земледелие, животноводство и виноделие требовали постоянной занятости большого числа людей. Геродот описывает Армению как землю «богатую стадами», а Ксенофонт называет ее «большой и процветающей провинцией». Хотя при персах новых инженерных сооружений не строилось, области Вана и Аракса продолжали благополучно пользоваться обширной системой оросительных каналов древних урартских царей.

Классическое описание Армении под властью персов Ахеменидов дает Ксенофонт, который пересек ее в 401–400 годах до н. э., со своими «десятью тысячами». К несчастью, Ксенофонт появился на Армянском нагорье в ноябре, а потому его люди жестоко страдали от снега и ледяного северного ветра. Многие из воинов погибли, другие ослепли от снежного блеска и отморозили пальцы ног. Наследственным сатрапом Армении в ту пору был Оронт, а его помощника по Западной Армении звали Тирибаз. Этот последний был личным другом великого персидского царя. (Его особым правом была привилегия подсаживать великого правителя на коня. Разумеется, если он при этом присутствовал.)

Сатрап Оронт жил в великолепном дворце. На окружавших его городских домах высились башенки. В других местах, более гористых и открытых, дома строились в основном под землей, «с входным отверстием вроде колодца, но просторные внизу; для входа тягловых животных строились туннели, но люди спускались туда по лестницам. В домах держали коз, овец, скот, птицу и их потомство. Всех этих животных растили и откармливали в этих же домах». Такие дома до сих пор существуют в некоторых районах Грузии и Армении, хотя теперь их замещают на более современные постройки. Метод их возведения описан Витрувием: он основан на принципе создания поддерживаемого кронштейнами, сужающегося кверху купола. Грузинский вариант таких жилищ известен под названием дом «дарбази», и его подземное основание часто подпирают резные балки и столбы.

Греки Ксенофонта захватили шатер и домашнюю утварь властителя Тирибаза Армянского, со всеми его диванами на серебряных ножках, кубками и прочим, а также пленников, «которые говорили, что они его пекари и виночерпии». Простой люд, естественно, не претендовал на подобную роскошь, но жил неплохо. Люди были организованы в сельские общины, управлявшиеся собственными старостами, которые в свою очередь отвечали перед сатрапом через посредство местных его помощников. Эти селяне радостно снабдили людей Ксенофонта многими «животными для жертвоприношений, зерном, старыми винами с тонким букетом, сушеным виноградом и разнообразными бобами». Иногда местные жители уголяли

жажду неким подобием ячменного вина. «На поверхности этого напитка плавали зерна ячменя, а в нем самом соломинки, большие и маленькие, без узлов, и, когда кто-либо хотел пить, он брал в рот эту соломинку и сосал. Это в высшей степени крепкий напиток, если его не разбавить водой, но, когда к нему привыкнешь, он очень хорош».

Инспектируя свои отряды на бивуаке, Ксенофонт «нашел их в бодром состоянии духа и в отличной физической форме. Не было мест, где бы их отпустили без угощения, где на стол не подавали бы одновременно баранину, козлятину, свинину, телятину и птицу, вкупе с большими караваемы хлеба, пшеничного и ячменного. А когда кто-то дружелюбно хочет выпить за здоровье другого, он пригибает его к чаше, и тот должен нагнуться и пить из нее, втягивая в себя напиток, как бык».

В другом случае Ксенофонт рисует приятную картину того, как его войска пируют в своих казармах, «увенчанные гирляндами из сухих трав, принимая угощение из рук армянских мальчиков в их странных чужеземных нарядах, знаками указывая мальчикам, что делать, словно они глухи и немые».

Из этого мы можем заключить, что с самых давних времен армянский народ был гостеприимен к чужестранцам, которые далеко не всегда платили им в ответ так, как они того заслуживали.

Далее Ксенофонт высказывает особую похвалу статям и резвости армянских коней, которых местные жители выращивали специально для великого персидского царя. «Кони этого края меньше по размерам, чем персидские, но гораздо ретивее. Именно там сельский старейшина научил воинов обертывать ноги коней и тягловых животных небольшими мешками при переходе через снега, потому что без таких мешков животные будут проваливаться в снег по брюхо».

В дни борьбы за персидский трон между Артаксерксом II и его братом, Киром Младшим, в которой Ксенофонт и 10 тысяч его греческих воинов сыграли важную роль, армяне воспользовались представившейся возможностью утвердить автономию своей страны. Сатрап Оронт, упоминаемый в «Анабасисе» Ксенофонта, около 401 года до н. э. женился на Родогуне, дочери великого персидского царя Артаксеркса II. Оронт принял в войне братьев сторону своего тестя, Артаксеркса. Его противник Кир потерпел поражение и был убит.

Артаксеркс II оказался правителем слабым, и при нем некогда могучая Персидская империя пришла в упадок. Воспользовавшись этим, Оронт обосновался в Армении как практически независимый властитель и очень разбогател, собрав огромное личное состояние в три тысячи талантов серебра. В последующие годы Оронт даже выступил против своего тестя и господина, великого царя Артаксеркса, и возглавил мятеж сатрапов, разразившийся в 366 году до н. э. Впрочем, затем он покорился, был прощен, и ему была дарована сатрапия в Мизии, где Оронт и скончался в 344 году до н. э.

Имя Оронт – иранского происхождения, происходит от авестанского «aurand» (могучий герой) и тесно связано со словом из Пахлеви «arvand»,

означающим то же самое. Армянские формы этого имени – Ерванд, Араван и даже Грант. Династия Оронтидов (Ервантидов) имеет важное историческое значение, поскольку перекрывает разрыв между прежними царями Урарту (первыми царями Армении) и третьей армянской династией Арташесидов, правившей в классические времена. Оронтиды (Ервантиды) обеспечивали социальную и историческую преемственность в Армении в период, когда она выкристаллизовывалась из фазы пред-Армении и переходила в эллинскую эпоху.

До недавнего времени было мало что известно относительно потомков и наследников самого Оронта (Ерванда). Памятником, позволившим установить существование Ервантидов как действительной династии, явился погребальный монумент Нимруд-Дага в Центральной Турции. Его воздвиг царь Антиох I Коммагенский (69–34 гг. до н. э.), сам являвшийся членом дома Оронтидов. В ряде греческих надписей на этом мощном кургане перечисляются предки Антиоха I, многие из которых были правителями Армении. На основании этого источника и других данных профессор Кирилл Туманов из Джордж-таунского университета составил следующую хронологическую таблицу Ервантидской династии в Армении (некоторые даты царствований даны условно):

Оронт (Ерванд) I, 401–344 гг. до н. э.

Оронт (Ерванд) II, 344–331 гг. до н. э.

Оронт (Ерванд) II (*продолжение*), 331 г. до н. э.

Михран, 331–317 гг. до н. э.

(сатрап Неоптолемуса, 323–321 гг. до н. э.)

Оронт (Ерванд) III, 317–260 гг. до н. э.

Самус (Хрант), 260 г. до н. э.

Аршам, 260–228 гг. до н. э.

Ксеркс, 228–212 гг. до н. э.

Артавазд, около 212 г. до н. э.

Оронт (Ерванд) IV, 212–200 гг. до н. э.

Зариадрис (Зарех), стратег 200 г. до н. э., царь со 190 г. до н. э. и далее

Митробузан I, современник Арташеса I, царя Великой Армении, около 170 г. до н. э.

Оронт (Ерванд) V, около 95 г. до н. э., аннексия Софены Тиграном II, царем Великой Армении.

При последних персидских царях династии Ахеменидов Армения

наслаждалась миром и благоденствием. Правители Ирана мало интересовались армянскими внутренними делами, ее торговля и сельское хозяйство процветали. Такое состояние вещей было грубо нарушено вторжением в эти земли Александра Македонского. Битва при Арбелах (Гавгамелах) 1 октября 331 года до н. э. ознаменовалась полной победой македонцев и греков над последним из Ахеменидов, Дарием (Дараваушем) III Кодоманом. Армяне, верные до конца, предоставили персидскому царю 40 тысяч пехоты и 7 тысяч всадников, под личным командованием своего суверена, царя Оронта (Ерванда) II. В битве при Арбелах армянская кавалерия дралась на правом фланге персидского войска.

Видимо, именно тогда, во время этого сокрушительного поражения, Ерванд II и погиб. Во всяком случае, Александр Македонский, отпраздновав свою победу, направил сына Ерванда II, Михрана, сатрапом в Армению, на место его отца. Любопытно отметить, что этот Михран был ранее иранским властителем в Сардах, древней столице Лидии (запад Малой Азии). Он перешел на сторону македонцев и в битве при Арбелах воевал против своего отца. Это пример повторяющихся армянских трагедий, когда на протяжении веков отцы противостоят детям, брат брату, а иногда даже своей родине.

Александр Македонский умер на вершине своей славы и могущества в возрасте тридцати трех лет. Однако его культурное и историческое наследие продолжало жить. Далеко на востоке, в Бактрии, Парфии, на территориях современного Афганистана, Индии и Пакистана выросли очень быстро греческие, точнее, эллинские города. Сонные стоячие болота взбурлили, ожили заброшенные торговые пути. Из края в край, по всей Анатолии и Центральной Азии распространились греческие вкусы в зодчестве, скульптуре, художественных ремеслах, а также знание греческой литературы и философии. Греческая наука и технология способствовали быстрому повышению жизненного уровня населения, просвещению и оздоровлению людей, а также увеличению домашних удобств, по крайней мере для немногих избранных. Греческая изобретательность в инженерном деле и строительстве оставила значительный след во многих регионах бывшей Персидской империи.

Армения, лежавшая на пути движения Александра в Индию, не могла избежать мощного напора той новой греко-восточной цивилизации, которую он помогал создавать. В то же время в этом нарождающемся мире эллинизма не слабели признаки прежнего мира «иранизма», как, впрочем, и следы местной, унаследованной от Урарту достаточно развитой культуры. Армения оказалась в тесном соприкосновении с большим числом эллинистических стран и потому открытой новым экономическим и социальным влияниям. Исключительно сельскохозяйственная экономика и сельский образ жизни, свойственные ахеменидской Армении, где едва знали, как пользоваться звонкой монетой, внезапно переменялись. Через Армению прошел важнейший сухопутный торговый путь, связывающий Китай, Индию и Центральную Азию со Средиземноморьем, параллельный северному пути, через Кавказскую Албанию (Азербайджан), Иберию и Колхиду с выходом на Черное море.

Вдоль этих дорог возникли большие города, ставшие пристанищем иноземных купцов и центрами распространения греческой культуры.

Развитие монетарной экономики и городской жизни компенсировало упадок привычного для Армении патриархально-племенного уклада, способствовало появлению нового типа городских слоев, включая рост городской буржуазии и класса ремесленников, а также коммерческой эксплуатации рабов (хотя рабство никогда не достигало здесь таких масштабов, как в Греции и Риме). Начиная с III века до н. э. власть царей в Армении становилась все более абсолютной, а аппарат управления все более сложным. Особенно это касается царского двора, а также налоговой и фискальной систем. Племенные вожди и сельские старейшины стали преобразоваться в класс придворных и помещиков. Они наслаждались большей роскошью и бездельем и жаждали более высокого уровня жизни.

Как урарты до них, армяне называли свои города по имени царей, их основавших. Это помогает нам уточнить даты основания многих ключевых армянских городов. Современник Ксенофонта Ерванд I объявил своей столицей древний город Армавир, расположенный к северо-западу от горы Арарат, на плодородных просторах долины Аракса. Царь Ерванд IV (212–200 гг. до н. э.) перенес свою резиденцию оттуда на несколько миль западнее, в новый город Ер-вандашат (Оронтасату), который назвал в свою честь. Армавир остался религиозным центром Армянского царства. Спустя несколько десятилетий Арташес I (190–159 гг. до н. э.) выбрал место своей резиденции еще дальше по Арак-ской долине, в болотистой местности Арташат (Артаксате), то есть также названной в честь царствующего монарха. Считается, что Арташес возвел и украсил свою столицу с помощью и при поддержке прославленного Ганнибала Карфагенского, удалившегося в Армению после поражения от рук римлян.

Далеко на западе, почти у границ Каппадокии, царь Аршам (260–228 гг. до н. э.) построил на берегу Аратсани, главного притока Евфрата, знаменитый город Аршамашат (Арсамосату). Этот город стал столицей независимого армянского царства Софены (по-армянски – Тсофка) и центром международной торговли. Аршам начал регулярно чеканить монеты с греческой надписью «Басилевс Арзамес» («царь Аршам»).

В позднейший период времени Тигран Великий (95–55 гг. до н. э.) возвел на берегу нынешнего Фаркина (Майяфарикина) город Тигранакерту, вновь названный царем в свою честь. Завершая этот краткий список городов, основанных царями, следует вспомнить еще, что самый святой город Армении, Эчмиадзин, резиденция Верховного Католикоса всех армян, назывался первоначально Вагаршапатом, по имени Вагарша I (117–140 гг. н. э.). Вагарш I был видным членом династии Аршакидов, наследовавшей дому Арташесидов.

Чтобы по достоинству оценить международное положение Армении, ее место в эллинском мире, следует кратко рассмотреть общую тогдашнюю ситуацию на Ближнем Востоке и в Малой Азии. После внезапной смерти Александра Македонского в 323 году до н. э. его генералы перессорились из-за дележа подвластных ему территорий. Птолемей создал в Египте греческое царство; Селевк сделал то же самое в Сирии и Месопотамии (со столицей сначала в Селевкии, сменившей древний Вавилон, а затем в Антиохии на реке Оронт (ныне Асу-Оронт). Антипатр сохранил старое Македонское царство, с его подчиненными территориями, доходящими до

Черного моря и Адриатики, и власть над городами-государствами Греции. Попытки Лизимаха создать царство на Боспоре, со столицей на Галлиполийском полуострове, сплотили против него всех его соперников, поэтому эти попытки так и не осуществились, к тому же в 281 году до н. э. он умер.

Едва преемники Александра установили шаткое равновесие сил на Ближнем Востоке и в Эгейском регионе, как цивилизованный мир потрясли новые неурядицы, связанные с нашествиями извне. Кельтские племена, обитавшие близ среднего течения Днестра, разгромили Македонию, опустошили Фракию и Фригию и под именем галатов утвердились на равнинах Малой Азии к западу от Армении. Здесь они оставались вплоть до римских и христианских времен и были даже адресатами одного из посланий святого Павла. Вскоре после того, как ираноязычные парфяне захватили персидское плато и отняли у Селевкидов владения к востоку от Евфрата, парфяне эффективно отделили Сирию Селевкидов, а также армян от восточных провинций созданного Александром Македонским государства, к тому времени превратившегося в греческое Бактрийское царство, и части обширных областей долины Инда. Эти потери на Востоке заставили греко-сирийских царей династии Селевкидов искать компенсации за счет Египта на юге и за счет Армении, а также других государств Малой Азии на севере.

Во времена Селевкидов Армения разделилась на несколько практически независимых царств и княжеств. Сложившееся в ту эпоху разделение сохранилось с небольшими изменениями и в византийскую эру. Самым важным регионом, разумеется, была Великая Армения, расположенная к востоку от верховьев Евфрата и включавшая в себя обширные земли вокруг озера Ван, долину Аракса и далее к северу окрестности озера Севан, Карабах и даже южные болотистые пустоши Грузии. Малая Армения была соответственно царством меньшего размера и с менее плодородными землями. Она лежала к западу от верховьев Евфрата, включала в себя районы нынешних Сиваса и Эрзинджана и граничила с древней Каппадокией. На юго-западе находились два маленьких царства, Софена и Коммагена, разграниченные средним течением Евфрата и плодородной заманчивой для всех равниной Мелитена (Малатья). Софена и Коммагена часто выступают в роли буферных государств между Парфией и Арменией с одной стороны и Сирией и Римом с другой. Царские роды, правившие ими, имели крепкие династические связи с армянским царским домом Ервантидов. Благодаря их близости к таким великим городам, как Антиохия и Пальмира, царства Софена и Коммагена рано стали центрами эллинистического и римского искусства и цивилизации и помогали их продвижению на восток в Закавказье и Великую Армению.

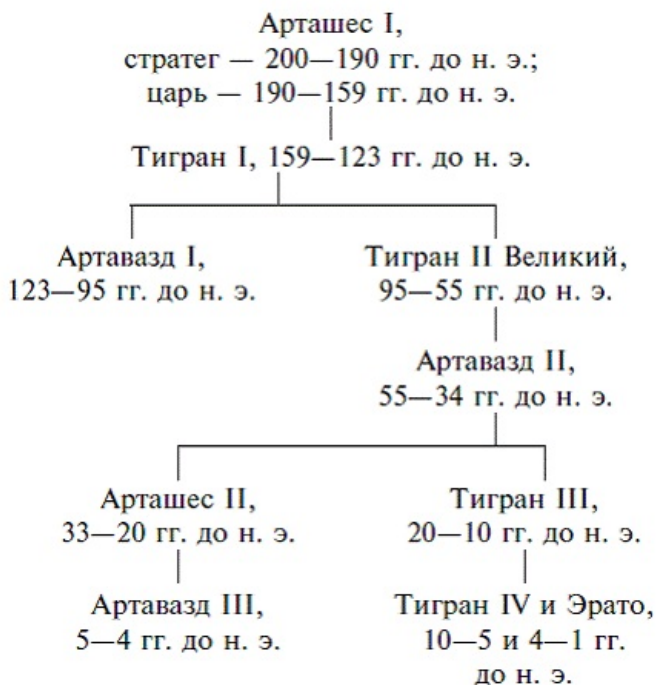
Царям Селевкидам так и не удалось утвердить свою прямую власть над Арменией. Они собирали дань с местных армянских князей, которых они «утверждали в должности», даруя им титул стратега, соответствующий древнеперсидскому титулу сатрапа. Ситуация несколько переменилась в правление селевкидского царя Антиоха III, прозванного Великим (223–187 гг. до н. э.). Это был честолюбивый монарх, мечтавший возродить империю Александра Македонского. Армянский царь Ксеркс (Софена) горячо отказался платить Антиоху дань. Тогда тот осадил столицу Софены Аршамашат, вынудил Ксеркса покориться и женил его на своей сестре,

Антиохис. Эта женщина вскоре умертвила своего злосчастного мужа и присоединила царство Софена к владениям своего брата Антиоха III. Бедный Ксеркс оставил после себя несколько мелких монет со своим портретом. На них мы видим бородатого, полного достоинства мужчину ученого вида в остроконечной шапке или диадеме необычной формы с мысом впереди и лентами или бахромой, развевающимися за спиной. У него задумчивый вид, словно он размышляет о том, как справиться с политическими и семейными проблемами, доставлявшими ему столько неприятностей.

В 200 году до н. э. Антиох II назначил потомка армянского дома Ервантидов Зариадриса (Зареха) стратегом Софены. В это время в Великой Армении правление основной династии Ерван-тидов подходило к концу. Последним правителем этой линии был Ерванд IV (212–200 гг. до н. э.). И он, и его брат Митра, верховный жрец храма Солнца и Луны в городе Армавир, упоминаются в греческих надписях, найденных там в 1927 году. Одна из этих надписей содержит обращение верховного жреца Митры к брату его, царю Ерванду. Вторая – касается трагической смерти царя. Это событие стало результатом восстания, поднятого местным князем по имени Арташес, сыном Зариадриса, и явно инспирированного из Сирии самим царем Антиохом III. По следам этого переворота Антиох назначил Арташеса стратегом Великой Армении вместо мертвого Ерванда. Тот факт, что отцом Арташеса назван Зариадрис, как тогдашний правитель Софены, позволяет предположить, что два армянских правителя были отцом и сыном, хотя доказательств этому нет.

Арташес был основателем третьей и самой великой армянской монархии (если первой считать Урартское царство, основанное Арамой, как полагает Мовсес Хоренский, а царство Ервантидов – второй). Имя Арташес соответствует персидскому Артаксеркс и греческому Артаксиас. Приводимая ниже таблица показывает основную последовательность линии Арташесов на основании исследований французского нумизмата Анри Сейрига:

ДИНАСТИЯ АРТАШЕСИДОВ

В течение десяти лет после своего назначения Антиохом III, с 200 по 190 год до н. э., Арташес и его партнер Зариадрис Софенский ждали своего часа. В конце концов Антиох перехитрил самого себя, бросив вызов могущественной Римской империи, чтобы помериться с ней силой. И едва Антиох потерпел от римлян сокрушительное поражение при Магнезии (190 г. до н. э.), как Арташес и Зариадрис отделились от селевкидского государства. В Апомейском мирном договоре (188 г. до н. э.), закреплявшем победу римлян, сенат Рима даровал им статус независимых правителей. Это был первый юридический контакт Армении с римским сенатом, который был рад приобрести двух благодарных союзников в стратегически важной точке мира для того, чтобы впоследствии поглотить их и присоединить к Римской империи.

Под новообретенным римским покровительством два армянских царства, Великая Армения и Софена, продолжили свою политику бурной экспансии. Арташес отобрал у мидян и персов Мидийскую Атропатену (современный Азербайджан), расширившись до берегов Каспийского моря. У грузин он отхватил большой кусок территории к северо-западу от озера Севан. У халибов, моссиноеци и таокхоев армяне забрали большую часть нагорья в окрестностях Эрзурума и некоторую часть дикого гористого края – Понтийские Альпы. Провинция Тарон (вокруг города Муш) была полностью очищена от остатка селевкидских гарнизонов.

Одним из важных результатов такого территориального роста была культурная и лингвистическая консолидация армянского народа. За исключением грузинских болотистых пустошей и нескольких отдаленных районов, вроде Сасуна, армянский язык стал господствующим у крестьян, охотников и воинов, а также горожан, кроме греков и евреев. Греческий географ Страбон (63 г. до н. э. – 24 г. н. э.) особо подчеркивает именно этот результат завоеваний Арташеса и Зариадриса. Благодаря их трудам по унификации, пишет он, «сегодня все обитатели этих различных районов говорят на одном языке». Однако не следует забывать, что до изобретения национального армянского алфавита (после 400 года н. э.) все литературные работы, религиозные тексты и государственные указы писались и переводились на иранский, записываемый арамейскими или греческими буквами. Царская семья Армении и аристократия были двуязычными: они говорили на греческом или иранском так же хорошо, как на армянском.

Весьма любопытный отрывок из «Истории» Мовсеса Хоренаци рассказывает нам о том, как «Арташес [Артаксиас] приказал очертить границы деревень и сельских угодий, потому что он увеличил население Армении, приведя на холмы, равнины и долины своего края множество пришлых племен. Границы он устанавливал так: он приказал вытесать прямоугольные камни со сквозными чашеобразными углублениями в центре. Затем их вкопали в землю, а на чуть выступающих над нею верхушках установили четырехугольные башенки» (История Армении. 11, 56). Три таких камня были обнаружены в разное время недалеко от озера Севан. У всех наверху были углубления, превращавшие верхушку в подобие башенки, а также были выбиты надписи, сделанные необычными арамейскими буквами. Профессор А. Дюпон-Соммер предположил, что камни поставлены в память о рыбной ловле царя Арташеса на озере Севан, но это мнение не выдерживает критики. Разумнее полагать, что это и есть три официальных пограничных знака, из числа так подробно и скрупулезно описанных знаменитым историком, и что на них арамейскими буквами написаны имена местных землевладельцев, а также имя царя Арташеса.

В пору правления династий Ервантидов и ранних Арташесидов стала формироваться сложная система армянского язычества. Кроме прославленных храмов Солнца и Луны в Армавире, армяне возвели и содержали целый ряд святилищ и алтарей в священном лесу под Артишатом (Асесиленой), в провинции Тарон неподалеку от Муша. Там было расположено несколько великолепных храмов, самый известный из которых посвящался богине Анахит (Анаит). Большая золотая статуя этой богини – покровительницы Армении возвышалась в огромном зале. Когда римские армии Марка Антония огнем и мечом прошли по Армении, первый солдат, коснувшийся святотатственной рукой статуи богини, ослеп на месте.

Анахит была дочерью Арамизда, могущественного Ахурамазды (Ормазда), бога персов, соответствующего в умах древних армян греческому Зевсу-Олимпийцу. Из Армении культ Ахурамазды проник на север в Грузию, где дал имя царскому городу и акрополю Армази, неподалеку от Тбилиси.

Пантеон древней Армении был международным, синкретическим. Местных богов почитали наряду с привнесенными из греческой мифологии и персидских верований вкупе с древними кумирами, пережившими падение

Урарту. Часто одновременно существовало две или три ипостаси одного и того же божества: ярким примером этого служит Арамазд-Ахурамазда-Зевс.

Древние армяне придавали большое значение всяческим оракулам, предзнаменованиям и божественным откровениям. Мовсес Хоренаци (История Армении, 1, 12) сообщает, что Ара, правнук Арамы, «был усыновленный мальчик из рода Анушавана, посвященный культу дерева платана, одаренный и умный, благородный в речах и поступках. Этот ребенок был предназначен служить культу деревьев-платанов Араманеака, сосредоточенному в Армавире. По шелесту листьев или колыханию их под ветром, слабым или буйным, по направлению их наклона и движения в краю потомков Хайка долгие годы узнавали божественные прорицания».

Это явление имеет очевидное сходство с почитаемым оракулом Додоны в Эпире, одном из самых древних из эллинских святилищ. Храм Додоны был посвящен Зевсу. Там гадание заключалось в прислушивании к шелесту старого дуба. (Возможно, это осталось от самого примитивного культа почитания деревьев.) Иногда предсказания делались по воркованию голубей в ветвях, журчанию воды в фонтане или позвякиванию висевших на этом дубе или на здании храма медных и бронзовых котлов. (Так было и в храмах Урарту.) Именно у оракула Додоны спрашивал Лисандр благословения своим амбициям. Афиняне часто прибегали к его авторитету. Весьма любопытна поэтому обнаруженная в Армавире греческая надпись с упоминанием «пинакиона», «черепка», глиняной или керамической таблички, на которой заранее пишутся вопросы оракулу. Это слово существует и в армянском языке в форме «пнак», что означает «блюдо», или «блюдце».

Среди наиболее употребительных культов древних армян следует отметить поклонение Митре, которого отождествляли и с Солнцем (Гелиосом), и с Аполлоном, и с Гермесом. Митру первоначально представляли как некоего ангела, олицетворяющего силу Света, сражающегося на стороне Ахурамазды. Эту воинственность он сохранил навсегда. Имена, производные от его имени, например Митридат, или Бузмир (Великий Митра), были очень распространены в обеих Армениях и Грузии. Праздник Митры – Митракана – праздновался в иранских землях на 16-й день седьмого месяца и в несколько измененной форме дожил до мусульманских времен. Культ Митры через Киликию дошел до Рима и распространился во все концы Римской империи, даже такие отдаленные, как Лондон. В музеях Европы имеется множество типичных барельефов с изображением Митры в виде юноши в конической шапочке и развевающимся одеянии. Обычно он убивает священного быка, причем в гениталии животного вцепился скорпион, змея пьет его кровь, а пес пытается допрыгнуть до раны в боку. Вдобавок там часто представлены бог-солнце, его посланец ворон, фиговое дерево, лев, кувшин и факелonosцы. Возглавляет божественную иерархию Митры Время Бесконечное; Небеса и Земля были его отпрысками, которые породили Океан. От Неба и Земли произошли и остальные члены божественного круга, аналогичного олимпийским богам. Ариман, воплощение зла и мрака, также был сыном Времени. Митра был самым важным звеном этого круга, посредником между верховным богом и человеком.

О древности культа Митры в Армении можно судить по тому, что в 200 году

до н. э. в армавирском храме известен был высший жрец, его служитель, член царского рода Ервантидов. Кроме того, на похоронном монументе царя Анти-оха I Коммагенского в Нимруд-Даге много места отведено изображениям Аполлона-Митры- Гелиоса-Гермеса. Имя Мгер, производное от Митры, мы встречаем позднее в национальном армянском эпосе «Давид Сасунский». Великий Мгер, Лев Сасуна, насадил роскошный сад в Дзовасаре и заселил его всеми зверями и птицами, которых только создал Господь. И сделал его Мгер своей летней усадьбой и основал там убежище для сирых, увечных и слепых, дабы нашли они там покой и исцеление.

Царь Арташес I и его соратник Зариадрис Со-фенский заложили структуры политические и управленческие, институты религиозные и культурные, став поистине создателями величия Армении, достигшей своего апофеоза в царствование внука Арташеса, Тиграна Великого.

Религия Армени

О религии армян известно немного. О жизни эпонимов и других легендарных армянских героев повествуется с использованием других мифов. Так, Хайк – лучник, убивший Бела, – сравнивался с Аполлоном Гекатом; его передвижения напоминают путешествия Аполлона Гелиоса, и, так же как и последний, он является циклическим божеством. Великан Торк, потомок Хайка, сравнивается с божеством бурь и грома хеттского пантеона, которого хурриты называли Тешуб. Миф об Аттисе и Клбеле отражен в легенде «Ара Прекрасный и Семирамида».

Длительный исторический период армянский пантеон формировали иранские божества. Ахурамазда – отец всех богов, создатель рая и земли. Ему поклонялись, называя Арамазд. Он был велик и могуч, управлял плодородием на земле, был создателем всех талантов, а его главный храм находился в городе Ани-Камах. Митра, идентифицируемый со всемогущим солнцем, бог света и огня, защитник правды и правосудия, был известен под именем Михр. Анаит (Анахи-та), богиня плодородия, мать всей мудрости, стала любимой богиней и защитницей армян. Ее величали весной и осенью песнями и танцами, в ее честь построено несколько храмов. Самым известным из них является храм Ериза, а поскольку в нем была поставлена золотая статуя, богиню именуют «золотая мать», «великая мать», «мать целомудрия». Веретрагна, бог войны и победы, был известен под именем Вахагн (Ваагн). Его главный храм находится в Аштишате, так же как и его возлюбленной Астгик, богини любви и красоты. Тир, писарь Арамазда, был богом науки, который записывал и злые и добрые человеческие деяния. С его именем связана школа прорицателей, в которой обучали различным искусствам и где толковали сны. Баршамин (Баршимниа, Баршам) и богиня Нане также входят в армянский пантеон. В «Истории обращения армян» Агатангелоса, где рассказывается об уничтожении языческих храмов, эти божества названы местными армянскими формами иранских имен. Но в «Истории» Мовсеса Хоренского мы находим их греческие эквиваленты: Арамазд = Зевс, Михр = Гефест, Анаит = Артемида, Вахагн = Геракл, Астгик = Афродита, Тир = Аполлон, Нане = Афина, и только Баршамин сохранил первоначальную форму своего имени. Тем не менее более ранние имена армянских божеств сохранились и встречаются в армянских письменных источниках чаще, чем их греческие эквиваленты. Признаки такого же синкретизма можно найти и в других местах. В руинах храма Зороастра, построенного в Персеполисе, вскоре после его разрушения Александром обнаружены надписи на греческом языке, в которых Ахурамазда, Митра и Анаит именуются соответственно Зевсом Мегистом, Аполлоном и Афиной. В Нимруд-Даге Антиох I Коммагенский представлен вместе с божествами Зевсом (Ахурамазда), Гераклом (Веретрагна) и Аполлоном (Митрой).

Вторжение греческих элементов в религию иранского происхождения также становится очевидным из рассказа Мовсеса Хоренского о культовых статуях, которые были доставлены из греческих городов, и о греческих священнослужителях, прибывших вместе с ними. Приписывая царю Арташесу то, что в действительности касалось Тиграна Великого, историк пишет, что он привез из «Азии» позолоченные бронзовые статуи Артемиды, Аполлона и Геракла, причем последняя являлась работой Дипена и

Скиллида Критских; статуи Зевса, Артемиды, Афины, Гефеста и Афродиты, найденные им в Греции, он отослал в Армению. В следующем отрывке Мовсес повествует о священнослужителях, которые сопровождали статуи.

Сегодня трудно установить, какая часть информации, касающейся культовых статуй, верна, но от рассказа в целом отмахнуться невозможно. Присутствие греческого духовенства в Армении также подтверждается открытием греческих надписей в Армавире. Скиллид и Дипен, единственные скульпторы, названные по именам, известны из другого источника. Они родились на Крите и работали в Аргосе и Сикеоне примерно в середине VI века до н. э. Утверждают, что они основали школу скульптуры в Пелопоннесе, а Плиний называет среди их работ статую Геракла. Кроме того, голова бронзового изображения Артемиды – Анаит, сейчас находящаяся в Британском музее, найденная в Еризе (Эрзинджан), является греческой работой.

Таким образом, можно утверждать, что ирано-греческая форма язычества у армян являлась преобладающей. И хотя официально язычество было уничтожено в начале IV века, мы знаем, что в Армении и кое-где еще сохранилось немало язычников и древние верования долго жили в народном фольклоре и обычаях.

Считается, что в Армении Евангелие проповедовалось греками Тадеусом – в южной части страны и Бартоломеусом – на севере. Они и считаются первыми просветителями Армении. Очевидно, число обращенных существенно увеличилось во II и III веках, поскольку были преследования при царе Арташесе (около 230 г. н. э.) и царе Хосрове (около 230 г. н. э.). Имена некоторых мучеников известны. Тертуллиан включает Армению в перечень стран, народы которых присутствовали в Иерусалиме в Троицын день, – несомненный признак того, что в его время в Армении было большое число христиан. Евсевий цитирует письмо, написанное в 254 году александрийским патриархом Дионисием армянскому епископу Меружану.

Новые гонения начались в 287 году при царе Тиридате, и именно во время его правления христианство в конце концов одержало победу. Оно было провозглашено государственной религией после обращения самого Тиридата святым Григорием, «вторым просветителем» Армении. Григорий, сын князя Анака из Аршакидов, который убил царя Хосрова, воспитывался в Цезареи в Каппадокии, где и обратился к христианской вере. После возвращения в Армению о нем стало известно царю Тиридату, сыну Хосрова, который сначала пытал его, а потом бросил в подземную тюрьму Арташата, где тот чудом выжил и сумел просуществовать пятнадцать лет. Его кормила набожная вдова. Следуя по стопам мученичества святой девы Рипсимэ, которая отвергла ухаживания царя, и ее спутников, а также аббатисы Гаянэ, которая повела их в Вагаршапат, Тиридат был поражен душевной болезнью, известной под названием ликантропия. Царь воображал, что превратился в дикого вепря, или, как повествует легенда, действительно принял облик этого дикого зверя. По требованию сестры, которая была уверена, что вылечить царя может только Григорий, Тиридат распорядился выпустить последнего из ямы. Царь выздоровел и после этого обратился в христианство. В это же время шло массовое обращение людей. Специальным указом христианство было объявлено государственной религией. Датой

этого события традиционно считался 301 год, однако, судя по последним исследованиям, это произошло не раньше 314 года. Но даже при этом Армения остается первой страной, официально признавшей христианство, поскольку эдикт Константина 313 года был всего лишь «эдиктом терпимости».

Григорий, в то время бывший мирянином, принял посвящение от архиепископа Цезареи Леонтия и был избран Тиридатом и народом главой армянской церкви. С благочестивым рвением Тиридат и Григорий рыскали по стране, уничтожая храмы и статуи языческих божеств и строя на их месте церкви. В столице был возведен кафедральный собор, и место получило название Эчмиадзин, что означает «куда единокровные спускаются». По рассказу Агатангелоса, и место и план церкви были явлены Григорию в видении. Перед ним возникла окруженная ангелами сияющая фигура Сына Божия, держащего в руке золотой молоток. Четыре креста из света также появились перед ним, три из них указали места, где следовало создать мемориалы трем мученицам – Рипсимэ, Гаянэ и Марин, четвертый, самый высокий, указывал на место собора.

Ранняя история церкви показывает, что в Армении, как и везде, оставалось довольно много язычников, да и среди самих христиан появилось много расколынических сект. Но самой серьезной угрозой, особенно в восточных регионах, находившихся под властью Персии, были регулярно повторяющиеся попытки Сасанидов насадить маздаизм. Героическое сопротивление армянского народа в Аварайрском сражении является всего лишь одной из страниц в истории защиты им своей веры.

Создание в начале V века армянского алфавита внесло немалый вклад в укрепление национального характера церкви.

В начале VI века армянская церковь выделилась в самостоятельную. Сохранившееся до наших дней вероучение основывалось на Никейском соборе, церковь полностью приняла решения первых трех соборов – в Никее, Константинополе и Эфесе. Ее доктрина была близка принятой в церкви Александрии, которая соглашалась с христологической формулой об «одной природе Христа, объединенной в воплощенном мире». Документы V века показывают растущую оппозицию любому верованию или определению, имеющему тенденцию разделить божественную и человеческую природы Христа. Несторианцы, придерживавшиеся этой веры, образовавшие довольно значительную группу у южных границ Армении и защищенные персидскими правителями, во второй половине V века пытались ввести несторианство в Армении. Сильное противодействие армян несторианству определило их отношение к Халкидонскому собору, поскольку они считали, что формула, принятая этим собором, слишком категорично отмечая различия между двумя природами, стремится разделить их, то есть ничем не отличается от несторианской ереси. И порицание несторианства, и осуждение Халкидонского собора прозвучали на соборе, собравшемся в Двине в 506 году. Список преданных анафеме еретиков включал Евтихия, тем самым показав, что собор занял вполне определенную позицию против доктрины монофизитов.

И ортодоксальная, и Римско-католическая церковь ошибочно считали армян

монофизита-ми. Армянская церковь всегда энергично отвергала смешивание и спутывание двух природ Христа, признавая его и божеством, и человеком. Приняв определение Кирилла о том, что Иисус Христос остался тем же самым, каким был до воплощения в человека (он присоединил к Себе человеческую природу, не изменяя Своей Божественной), церковь пришла к выводу, что говорить о двух природах после этого объединения, как это делают халкидонцы, – значит скатываться к несторианской ереси.

Позиция, занятая армянской церковью, так же как и осуждение ею актов Халкидонского собора, которая, отделив ее от других церквей, в значительной степени способствовала сохранению ее индивидуальности, в то же время являлась источником множества трудностей во взаимоотношениях с Византией. Ведь на протяжении всего периода их взаимоотношений византийцы использовали все возможные средства – иногда убеждение путем дискуссий, но чаще запугивания, гонения и массовые депортации, – чтобы привести армян в границы ортодоксальной церкви. Также в период существования Киликийского царства вопрос религии значил очень много в отношениях с Западом, и прежде всего с папством.

Если от проблем, связанных с доктринами и отношениями с другими христианскими сообществами, мы обратимся к положению армянской церкви среди армян, то увидим, что она была главным оплотом национального единства, единственной организацией, которая сохраняла активность даже тогда, когда страну завоевывали и разрушали, когда прекращалась политическая жизнь. Сохраняя язык и традиции народа, церковь способствовала выживанию армян как нации.

Примечания

Маги – зороастрийские священнослужители.

Халди (или халды) – народность, населявшая в эпоху бронзового века юго-восточное побережье Черного моря (ныне территория Турции). В научной литературе первой половины XX в. часто встречается утверждение, что халды – урартские племена, назвавшие себя так в честь Халди, своего верховного бога. Сейчас это предположение считается ошибочным.

Манна (Мана) – древнее государство в X–VI вв. до н. э. в Передней Азии (север Ирана).

Сатем – одна из двух диалектных групп индоевропейских языков, для которых в определенных позициях характерно появление звука «s»; в западной же группе кентум в тех же позициях характерно произносить звук «к»; к группе сатем относятся индийские, иранские, балтийские и славянские языки.

Ксенофонт – древнегреческий историк, писатель, афинский полководец и политический деятель; основной труд «Анабасис Кира» сыграл решающую роль в становлении латинской прозы.

Агафангел (Агатангелос) – предположительно секретарь царя Трдата (285–330) и двоюродный брат Григория Просветителя, один из первых исторических писателей Армении, автор «Истории обращения армян в христианскую веру».

Аль-Бируни (973-1048) – великий ученый из Хорезма, владевший практически всеми науками, известными в его время, автор многочисленных трудов по истории.

Мовсес Хоренаци (410–490?) – крупнейший армянский историк, автор «Истории Армении».

На основании ранее известного (*лат.*).

Фавстос Бузанд (Фауст Византийский) – армянский историк конца IV – начала V в., автор «Истории Армении».

Ванакан Вардапет (Ованес Тавушеци) (1181–1251) – армянский историк, святой, выдающийся деятель армянской церкви, литератор, педагог, основатель Тавушской академии.

Так (указание на точное соответствие оригиналу) (*лат.*).

Б е р б с, вернее, Беросс (ок. 350-340 – 280-270 гг. до н. э.) – вавилонский историк; написал «Вавилонскую историю» в трех книгах на греческом языке.

Роулинсон Генри Кресвик (1810–1895) – британский археолог, ассириолог, лингвист, дипломат. Первым дешифровал персидскую клинопись.

Артаксеркс Мнемон – персидский царь, правивший в 404–359 гг. до н. э. Мнемоном (Памятливым) его прозвали греки из-за обладания исключительной памятью.

Х а о м а – обожествленный напиток в дозороастрийской религии.

Езник Кохбаци – церковный писатель и богослов V в., один из основателей армянской церкви, ученик Месропа Маштоца.

Санхуниатон – древний финикийский автор из Бейрута; в трех томах изложил основные положения финикийской религии.

А ш е р а – древнееврейское имя ханаанской богини; упоминается в Ветхом Завете.

Г о х т а н – историческая область в древней Армении, славившаяся своими сказителями.

Ригведа – памятник индийской литературы, собрание гимнов на ведийском языке; входит в Веды.

В р и т р а - демон хаоса в индуизме. Вритру убил Индра и сделал себе чашу из его черепа.

Макдонелл Артур – автор санскритско-английско-го словаря, выпущенного в Оксфорде в 1893 г.

Иоанн Мандакуни (ум. около 490 г.) – армянский католикос с 478 г., автор религиозных гимнов и речей, ученик Месропа Маштоца и Саака Партева.

Анания Ширакаци (VII в.) – армянский географ, историк, астроном, последователь Мовсеса Хоренаци.

Фрезер Джеймс Джордж (1854-1941) – британский антрополог и классический филолог.

Лазарь Парпеци – армянский историк V в., монах, автор продолжения истории Фавстоса Бузанда.

Керсаспа – герой иранской мифологии, дэвоборец, победитель чудовищ.

Каланд Биллем (1859-1932) – голландский ученый-антрополог, индолог, опубликовал целый ряд работ о погребальных ритуалах некоторых народов.

Евсевий Кесарийский (ок. 263–340) – создатель «Церковной истории».

Сеннаар – местность в Междуречье; упоминается в Ветхом Завете.

Григор Нарекаци (ок. 951-1003) – армянский богослов, философ, мистик, поэт, монах.

Адахер – еще одно название звезды Бетельгейзе в созвездии Ориона.

Сириус – альфа Большого Пса и представляет собой двойную звезду. Звезда-компаньон, открытая в 1862 г. А. Кларком, обычно называется Сириус Б.

М о с х и – одно из протогрузинских племен.

С е б е о с – армянский историк VII в.

Сейс Арчибальд (1846–1933) – ассириолог, лингвист, профессор Оксфорда; положил начало дешифровке лувийских иероглифов

Йездигерд I Предатель – правитель Персии из династии Сасанидов, сын Шапура III

Валаршак – древний вариант произношения армянского имени Вагаршак.

Давид Философ – возможно, автор имеет в виду древнеармянского философа Давида Анахта (Vb.), представителя Александрийской школы неоплатонизма; наиболее известен его трактат «Определение философии».

Рустам Сакджик- персидский богатырь.

Григорий (Григор) Татеваци – крупнейший богослов Средневековья, армянский святой, философ, педагог.

Арацани – река, важнейший приток Евфрата, протекает по Армянскому нагорью в Турции.

Септуагинта - перевод 72 толковников Ветхого Завета на древнегреческий язык, выполненный в III-II вв. до н. э.

В иранской мифологии мост, разделяющий царства живых и мертвых. Под стопой грешника становится узким, как «лезвие бритвы», а праведнику кажется широким, как «девять копий или двадцать семь стрел».

Глава из книги Д. Лэнга «Армяне. Народ-созидатель».

Глава из книги С. Тер-Нерсисяна «Армения. Быт, религия, культура».